

Сергей
Малицкий



ТРЕПЕТ

Сергей Малицкий

Трепет. Камни
Митуту. Книга третья

«Издательские решения»

Малицкий С.

Трепет. Камни Митуту. Книга третья / С. Малицкий —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-909253-3

Третья книга цикла «Камни Митуту». Светлая Пустошь стремительно разрастается, пожирая деревни и города. Мир застывает на краю гибели. Среди охваченных ужасом людей навстречу судьбе движутся принц Игнис и принцесса Кама, бастард Литус и загадочный мудрец Син. Они все еще рассчитывают на спасение от неизбежного.

ISBN 978-5-44-909253-3

© Малицкий С.
© Издательские решения

Содержание

Пролог. Лава	6
Часть первая. Нелюдь	14
Глава первая. Портенум	14
Глава вторая. Иевус	20
Глава третья. Арканум	29
Глава четвертая. Орс	38
Глава пятая. Обстинар	46
Глава шестая. Эбаббар	55
Глава седьмая. Алу	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Трепет Камни Митуту. Книга третья

Сергей Малицкий

© Сергей Малицкий, 2019

ISBN 978-5-4490-9253-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Лава

Осень одна тысяча пятьсот пятого года от битвы при Бараггале оказалась короткой. Еще за три недели до обычного предзимнего слякотного исхода твердое осеннее небо разбухло от тяжелых облаков, опустилось и вместо привычного дождя выдохнуло снег. Оголовки крепостных башен Ардууса, бастионы цитадели, укрепления старого замка, магические башни, зиккураты храмов – все окуталось мутной круговертью. К полудню, когда и улицы, и площади, и здания, и ограды, и арки, и даже пустые скамьи амфитеатра были облеплены тяжелыми хлопьями, ветер ненадолго стих и, чего уж точно не случилось одним днем, ударил мороз. Конечно, не тот мороз, который выбеливает щеки или уши и больно щиплет за нос, но тот самый, что прихватывает за ночь воду в ведрах, стоящих в холодных сенях, ледяными кругами. Но ненастье не угомонилось и на этом. Хозяйки Ардууса еще стучали крышками сундуков, перебирая лежалое тряпье и встряхивая тулупы и стеганки, а между заледенелыми домами уже дул ветер и нес не хлопья мягкого и сырого снега, а секущую щеки крупу.

Старик трактирщик, который держал заведение на углу Соломенной площади и Пьяного проезда, и имел в нем столы как для обычного люда, так и для господ, высунул нос на улицу, чтобы сколоть намерзший у порога лед и едва не столкнулся с вельможной девицей Лавой Арундо, племянницей самого короля. Та как раз встряхивала снег из длинных светлых волос. Трактирщик поклонился, покачал головой, не одобряя отсутствия стражников за спиной Их Высочества, покосился на темные, уже заледеневшие и теперь заметаемые снежной крупой следы укувылявшего восвосяси пьянчуги и, отпрянув, указал красавице на дубовую лестницу, ведущую на второй этаж. Лава скорчила гримасу, подняла капюшон дорогого, но не слишком примечательного гарнаша, надвинула ткань на лицо и, буркнув старику: «Мне как обычно», прошла в общий зал.

«Мне как обычно», прозвучавшее из уст дочери сиятельного воеводы Кастора Арундо, в эту осень для трактирщика значило одно и то же – кубок горячего, чтобы не держала рука, красного вина с пряностями и медом, парочку хрустящих хлебцев с маком или шамашем и ломоть поджаренного до золотистой корочки мягкого сыра. Для Лавы Арундо лишь то, что кипевшее в ней смешанное с тревогой раздражение требовало если не выхода, то хотя бы тишины и покоя. Да и продрогла она, пока вышагивала от особняка отца на углу Коровьей и Чеканной улиц до трактира. Конечно, не на час дороги, но уж за четверть лиги выходило в любом случае, а ее осенний гарнаш никак не подходил для зимних прогулок. Во всяком случае, так сложилось, что посидеть в тепле и обдумать произошедшее было больше негде. Ни подругами, взамен исчезнувших шесть лет назад Фламмы и Камы, ни близкими друзьями, которых и раньше не случалось, Лава не разжилась. Много можно было обсудить с отцом, но он задержался в цитадели у короля Пуруса, а смотреть, как трясется от негодования мать, не было сил. И уж точно не следовало подниматься на второй этаж трактира. Не хватало еще столкнуться с кем-то из знакомцев, вежливо раскланиваться, отвечать на глупые вопросы и тянуть губы в вымученной улыбке. С другой стороны, разве она когда-нибудь заставляла себя раскланиваться и уж тем более заводить разговоры с тем, с кем не желала знаться? Точно, именно укором в высокомерии попыталась закончить очередной разговор ее мать. Сказала, что дочь слишком гордая и, наверное, забыла, что гордость граничит с глупостью. Что же она ответила ей, прежде чем хлопнуть дверью, сбежать по широкой лестнице в нижний зал, в ответ на крик матери стражникам – «не выпускать!» нырнуть в привратническую и хлопнуть дверью еще раз, уже выходя в метель?

Лава шагнула в плохо освещенный зал, поморщилась от запаха кислого вина и немых тел, окинула взглядом два десятка столов, за которыми не собралось и полусотни выпивох, ищущих тепла и покоя в нежданное ненастье, и с облегчением проследовала за угол рас-

топленного камина, – небольшой столик в темном закутке был свободен. Она уселась лицом к завсегдатаям, прислушалась к тихому неспешному говору и, хотя ее нельзя было разглядеть в полумраке, распустила только завязи на груди, капюшон оставила на месте, что-то не давало ей покоя в последние дни. Всякий раз, как выходила на улицу, словно нитка какая торчала из одежды, цеплялась за дверную ручку или трещину в камне и медленно распускала ткань. Лава оборачивалась, но так ни разу и не разглядела ни самой нитки, ни обладателя буравящего спину взгляда.

Так что же она ответила матери, прежде чем хлопнуть дверью? Ну, точно. Сказала, что пусть гордость примыкает к глупости, лишь бы она не граничила с трусостью. Даже через тонкий слой осторожности и благоразумия. Мать побледнела, знала, что имела в виду Лава, но все же расправила плечи и напрягла скулы. У Куры Арундо, жены младшего брата короля Ардууса – воеводы всего его войска, урожденной Тотум, той, от которой Лава Арундо унаследовала красоту и стать, было не меньше оснований для гордости, чем у ее дочери.

– И когда же я злоупотребила осторожностью и благоразумием? – спросила она.

– Когда был убит король Тотус Тотум! – почти выкрикнула Лава. – Когда были убиты три твоих брата и семья одного из них!

– Какой же гордости ты хотела от меня? – зазвенел голос матери. – Что я могла сделать? Затянуть кровную месть? Против кого? Никого не осталось в живых. Ни короля Кирума, ни королевы Кирума, ни принца Рубидуса Фортитера, которого, кстати, что подтверждают многочисленные свидетели, убила твоя двоюродная сестра Камаена Тотум. Кому предъявлять обвинения? Кому мстить? Может быть, молодому герцогу Эксилису Хоспесу, что правит теперь в Кируме? Ну точно, ведь ему хватило мудрости посвататься к племяннице покойной королевы Кирума! Та была из рода Албенс, и эта из рода Албенс. Ее надо убить? Что ты можешь предъявить?

– Многое! – прошипела Лава. – Я нанимала человека, чтобы разобраться в этой кровавой истории. Хотя ты и не захотела меня слушать! Многого он не узнал, но и малого достаточно, чтобы идти к королю Пурусу и требовать расследования. Не все стражники Кирума, что видели убийство Рубидуса, говорят о том, что Кама напала на него. По пьяному делу кое-кто из них выболтал, что это Рубидус напал на нее! Убил в спину Сора Сойга, а потом издевался над Камой, унижал ее, даже ранил и погиб от ее меча в схватке с нею один на один. И ранил он ее до схватки! И она сражалась против него не только раненой, не только без успехов, но и голой! В Кируме до сих пор шушукаются о ее красоте! А то, что убитых в крепости Ос со стороны Лаписа было под сотню, а со стороны Кирума всех пропавших дозорных – десять человек, не настораживает? Что же это был за штурм такой? Чьи тела сгорели на погребальном костре? Кто убивал короля Тотуса? Может быть, следовало расспросить об этом Телу Нимис? Кажется, в живых осталась только она?

Последние слова Лава почти кричала, но рука матери, хлестнувшая по щеке дочери, заставила ее окаменеть.

– Замолчи! – прошипела Кура, схватила Лаву за плечи, притянула к себе и медленно, стискивая пальцами ткань гарнаша, выговорила: – Где твой дознаватель? Мертв, не так ли? Где эти словоохотливые кирумские стражники? Уверена, что мертвы. Где твоя сестрица Кама? Не знаешь? А где твой братец Игнис? Они-то уж точно живы, иначе бы не искали их ищейки Русатоса по всей Анкиде! Как ты собираешься с этим любопытством сохранить свою жизнь? Чем будешь оборачивать собственное горло, чтобы защитить его от кривого ножа? Гордостью? Она поможет тебе?

– А ты мне помочь не в силах? – прошипела, вырываясь из рук матери, Лава. – А отец?

– А ты думаешь, – мать стала говорить еще тише, – что братские чувства Пуруса сильнее его безумия? Или думаешь, что убить брата короля так уж трудно? Хочешь, чтобы твой отец повторил судьбу Монедулы Арундо, собственной сестры? Кстати! Где пропадает ее сыночек,

герой последней войны Лаурус со своей семьей? Не интересовалась? А судьба королевы Тричиллы тебя ничему не научила? Или думаешь, что Армилле, ее сестре, простится ее последняя дерзость? Или ты сама хочешь повторить судьбу королевской дочери Фламмы, что бы там о ней ни говорили? Где она? Что ты сказала Болусу? Мне доложили, что ты оскорбила его! Что ты ему сказала? Говори, мерзавка!

– Ничего! – хлопнула дверью Лава.

Что же она сказала Болусу? Да уж сказала что-то. Гораздо интереснее, что сказала посланникам короля Пуруса вдовствующая королева Тимора – Армилла. Собственно, с этой вестью Лава и явилась домой. Как обычно, истязала себя в полдень в зале на третьем этаже ратуши упражнениями, надоедливый кузен пока что лишь там не домогался ее внимания, когда услышала скрип двери на втором ярусе, шаги и шепот писцов. Переговаривались они вполголоса, и интересовало их, как понадежнее уберечься от гнева короля Пуруса, как не попасться ему на глаза? Лава, которая затаилась над перилами, едва не вывернулась наизнанку, чтобы разобрать тихие слова, и наконец расслышала главное. Отправленное две недели назад матери герцога Адамаса – прекрасной Армилле послание с предложением руки и сердца короля Ардууса, – вернулось распечатанным и надписанным с обратной стороны лишь одним словом – «Нет». Вроде бы сам Милитум Валор, брат покойного короля Тимора, мужа Армиллы, докладывал об этом Пурусу и вышел из его покоев бледным, как нынешний снег на улицах Ардууса. И верно кроме этого «нет» Армилла сказала посланцам короля еще что-то, потому как оба гонца пропали безвозвратно, исчезли в тот же день, как вернулись, и вот уже с неделю ни о том, ни о другом нет никаких известий, и даже мечи их как торчали, так и торчат в корзинах на входе в писцовую.

На этом месте зловещего шепота Лава резко вдвинула меч в ножны, дождалась, когда внизу, вслед за испуганным оханьем, затихнет звук торопливых шагов, и отправилась домой, чтобы поговорить с отцом. И надо же ей было столкнуться с матерью? Едва успела ополоснуться холодной водой и одеться, как та появилась в дверях комнаты. Выслушала рассказ об Армилле, затем гневным кивком отослала служанку и прошипела тот самый вопрос о Болусе, что появлялся в доме своего дяди еще с утра.

Лава ничего не ответила матери, поскольку знала каждое ее слово наперед и, как всегда, не обманулась. Та начала перечислять всех, кто женился и вышел замуж за последние шесть лет, не упустив случая напомнить, что среди вельмож Ардууса даже примета образовалась; хочешь жениться, предлагай руку племяннице короля – светловолосой красавице Лаве. Она, конечно, откажет, но зато в следующем же году у тебя будет прекрасная жена, которой может позавидовать всякий. Отличная примета.

– Смотри, – привычно принялась размахивать руками мать, – шесть лет назад тебя сватал весельчак Пуэр. Принц Бабу!

– Мне было только семнадцать лет, – с гримасой попробовала возразить Лава.

– Никто не гнал тебя в тот же миг под венец, – сдвинула брови мать. – Могла бы согласиться и сейчас бы жила в любви и согласии. Однако в любви и согласии с Пуэром живет Страта Верти, принцесса Фиденты. И родила ему уже двоих парней!

– Ты об упущенных внуках жалеешь или об упущенном зяте? – попробовала пошутить Лава.

– О собственной дочери! – повысила голос Кура. – Пять лет назад ты отказала принцу Бэдгалдингира. А твоя двоюродная сестра, принцесса Фосса, не отказала. Четыре года назад ты дала отворот княжичу Вerveксу Скутуму.

– Он хороший парень, но дурак, – огрызнулась Лава. – Мог бы понять, что я не просто так вернула ему его подарок – серебряный рог.

– Дурак не дурак, а Папилию Тимпанум устроил! – почти заорала мать. – А три года назад? Чем был плох еще один Краниум?

– Они прямо ополчились на меня, – затянула шнуровку котто Лава.

– О Такитусе Краниуме мечтала половина принцесс, – покачала головой мать. – А он пришел к тебе!

– Как пришел, так и ушел, – буркнула Лава. – Думал, что если уродился красавчиком, так никто не сможет его послать куда подальше?

– Что же тогда Бона Рудус его не послала? – процедила сквозь зубы Кура. – А Фалко Верти? Фалко Верти! Герцог Фиденты! Ты думала, что он будет к тебе десять раз ходить? Нет, он отправился к юной красавице Флос Краниум!

– Одни Краниумы вокруг, – скривила губы Лава.

– Точно, – отшвырнула ногой в сторону резной табурет Кура. – И последний из них в прошлом году тоже получил от тебя «нет». Веритас Краниум. На мой взгляд, так лучший из них. Надежный и добропорядочный. Где он теперь? Ах да! Он же сыграл в этом году свадьбу с Лацертой Скутум! А где ты? Ты у себя дома. Или на Воинской площади с этим поганым мечом! Весь город уже смеется над вельможной воякой! А Сигнум Белуа чем был плох? Зачем ты его летом с лестницы спустила?

– Он явился ко мне так, будто делал одолжение! – крикнула Лава.

– А разве нет? – взвизгнула Кура.

– Мне не нужно одолжений ни от кого! – едва не перешла на визг и Лава.

– Ух ты! – развела руками мать. – А кто ты такая? Ах да! Племянница короля Арундо. Лава Арундо. Красавица двадцати трех лет. Уже двадцати трех лет!

– Есть и постарше меня, – отрезала Лава.

– Хочешь выиграть в этом состязании? – сделала изумленное лицо мать. – Оглянись. Кто тебе нужен? Принцы и княжичи, герцоги и воеводы не устраивают? А ведь ты не в ларце лежишь, дочь. Ты сидишь на берегу быстрой реки, но мимо тебя проносится не вода, а твоя жизнь. Мимо! Посмотри! Пустула Адорири! Жена твоего покойного дяди. Где она? Ах да! Она прихватила за горло Милитума Валора! Я даже слышала, что Пурус велел своему воеводе присмотреться к престарелой красавице! Может быть. Только они живут уже пять лет, вполне счастливы и радуются двоим детишкам. А твоя тетка Тела Нимис? Что? Все проливает слезы по убитому сыну и мужу? Нет! Ее устроил брат короля Хонора – Сонитус! Да, для кого-то выпивоха и придурок, но для нее – муж! И у нее тоже двое детей!

– Ты мне такой судьбы хочешь? – прошептала Лава.

– А какой судьбы хочешь ты себе сама? – так же тихо ответила Кура. – Или ты думаешь, что можно отказывать до бесконечности? Зачем к тебе приходил Болус? Я с утра слышала только шум, но слуги сказали, что он вылетел из дома с перекошенным лицом!

– Ну почему же? – пожала плечами Лава. – Сломанный мною шесть лет назад нос Софус ему хорошо залечил. Никакого перекося я не наблюдала.

– Отвечай, – процедила сквозь зубы Кура. – Чего ты добиваешься? Для чего ты уже шесть лет торчишь на Воинской площади и машешь мечом? Зачем в мужском платье борешься с молодыми воинами и карабкаешься по их лестницам? Чтобы свести меня в могилу?

– Хорошо... – Лава закрыла глаза, потом затянула на поясе ремень с кольцами для оружия, без которого не выходила из дома. – Я отвечу. Да! Все или почти все, кто приходил ко мне, а ты знаешь не обо всех, все они неплохие парни. Некоторые уже воины. Один из них даже герцог! Хотя, конечно, они не принцы и не княжичи, нет больше ни королевств, ни княжеств, только великий Ардуус. Так что принцев было только два – Тутус Ренисус и Болус Арундо. Мой брат, кстати, чтобы ему нажраться грязью из-под собственных ногтей.

– Так он... – побледнела Кура.

– Да, – отрезала Лава. – Предлагал мне руку. Сказал, что уговорит отца и что ему плевать на то, что я его сестра. Но мне не плевать. Не на родственные связи, на собственную судьбу. И я ему отказала. И я надеялась, что ты поймешь меня. Хотя бы в том, что, если бы я дала согласие, меня бы ждала судьба его матери. И это в самом лучшем случае.

Кура молчала.

– И вот еще что я хочу тебе сказать, – проговорила после паузы Лава. – Почему ты не спрашиваешь меня о главном? Люблю ли я кого-нибудь из тех, кто хочет взять меня в жены?

– А ты думаешь, что я любила твоего отца, когда он пришел просить моей руки? – прошептала Кура.

Вымолвила и замерла. Так, словно выронила хрустальный сосуд, и тот разлетелся вдребезги. Почему-то бесшумно. И шаги отца все еще не были слышны внизу. Когда же он придет?

– А теперь? – выпрямилась и с усилием произнесла Лава.

– Теперь все хорошо, – с точно таким же усилием ответила мать. – Твой отец – достойный воин, достойный отец, достойный муж. Да, боги не послали нам детей кроме тебя. Но мы счастливы.

– Все хорошо? – удивилась Лава. – Для тебя, может быть. Но не для меня. Я не хочу жить с достоинством. Я хочу жить с любимым.

– Да где он, твой любимый? – почти захрипела Кура. – Где он? Покажи хоть пальцем!

– Покажу, когда встречу, – нацепила на пояс меч Лава. – И не нужно делать такие страшные глаза. Ничего не произошло. Отказала Болусу, значит, на следующий год он будет женат. Примета! Королева Армила Пурусу Арундо отказала. Подумать только, великий король великого царства предлагал место на своем ложе той, чьего мужа, по общему мнению, он и убил! Конечно, она отказала. И что?

– Замолчи! – взвизгнула Кура и тут же перешла если не на шепот, то на сип: – Ты забыла об осторожности! Твоя гордость граничит с глупостью!

– С глупостью? – вытаращила глаза Лава и выложила все то, что не решалась сказать матери еще с лета. А потом была лестница, которая словно сама расстелилась под ногами Лавы, испуганное лицо привратника, удар дверью, вьюга в каменном ущелье узкой Гороховой улицы и холодный ветер с колким снегом в лицо, вплоть до трактира...

– Вот, – трактирщик сам принес кубок вина, блюдо с угощением, принял с поклоном монету. Лава взялась замерзшими пальцами за горячее, закрыла глаза, сделала глоток. Надо было надеть что-то теплое, служанка выложила ведь на ложе и легкий пелиссон или плащ, не разглядела, и перчатки, и сапоги на меху. С другой стороны, что, как не мороз, остужает голову? Сейчас, именно сейчас, Лаве больше всего хотелось вернуться домой и обнять мать. Да, с нею невозможно говорить так, как с отцом. Но зато с отцом нельзя обняться и молчать. Как же не хватает ей Фламмы! Шесть лет уже прошло, как подруга бежала из Ардууса. Бежала вместе с Камаеной Тотум, но та вроде бы еще жива, и хоть не поймана лазутчиками Русатоса, но точно жива. Ходили слухи, что она вернула с нарочным герцогу Адамасу подаренный ей серебряный рог. Точно такой же, какой вернула Вервексу сама Лава. Но к рогу Камаены Тотум прилагалась записка с пожеланиями надежности и неприступности крепости Тимора, а сам рог был полон бесценных смарагдусов, рубинов и алмазов. А вот от Фламмы никаких вестей, никаких. Может быть, и нет уже ее в живых? Уж во всяком случае ее никто не разыскивает. Видно, даже в Обстинаре и Тиморе не чают увидеть свою дальнюю родственницу. А если король Ардууса – Пурус Арундо – настиг свою бывшую дочь так же, как, по слухам, настиг ее настоящего отца – Вигила Валора? Да, вдова Вигила Валора, прекрасная королева Армила, урожденная Кертус, младшая сестра матери Фламмы, посмела ответить Пурусу Арундо так, как считала нужным. А сама Лава могла ответить так, как она это сделала? Могла хлопнуть дверью так, что уж точно переломила нос, пусть и не самому Болусу, а его стражнику, а потом

взять принца за горло и прошипеть ему в лицо, чтобы он бежал из дома своего дяди бегом, иначе – взмах ножа, и никакая женитьба ему уже не понадобится! Да, и ее нож был уже там, где и должен был находиться. И что же сделал принц? Обмочился. Сменил ненависть в глазах, которая пылала в нем с самого начала недолгой беседы, на испуг, а потом сразу вернулся к ненависти, когда Лава с брезгливостью оттолкнула от себя выросшее в доме короля Ардуса чудовище. Ударился спиной о дверь, распахнул ее, еще раз присадив дверным полотном по лицу нерасторопного стражника, бросил быстрый взгляд на оставленную после себя лужу и прошипел совсем уж по-змеиному:

– Так даже лучше! Быстрее сдохнешь! А могла бы помучиться!

И побежал по лестнице вниз, потому что брошенный Лавой нож задрожал в двери возле его лица. Не потому, что она промахнулась. С такого расстояния она не промахивалась. Потому, что убивать ублюдка было нельзя. Из-за матери, из-за отца, да и из-за самой себя. Конечно, Пурус Арундо не позволил бы сыну расправиться с племянницей, как не позволил этого сделать шесть лет назад, когда она сломала Болусу нос. Но стал бы Болус спрашивать у папеньки разрешения? Это в ее дом он явился с одним стражником, видно, предполагал иной результат визита, а так-то за ним всегда следовало никак не меньше десятка мрачных дружинных, отобранных тем же Русатосом и, по слухам, готовых сделать для своего юного властителя все. Во всяком случае, Лава ловила куски сплетен о пропавших горожанках не только на улице, но слышала что-то подобное из разговоров отца и матери. И что же теперь ей делать? Выходить в город только ясным днем и старательно избегать безлюдных переулков? К кому обратиться за помощью? К отцу? Поможет. Запрет дочь в ее комнате на год или на полгода, тем и поможет. И ведь будет прав. А еще? Есть хоть кто-то, кто может помочь ей? Или, если говорить по-другому, есть хоть кто-то, кого она хочет видеть?

Лава снова сделала глоток, погладила горячий кубок. Из всех, кто решил свою судьбу в последние шесть лет, ее могли бы заинтересовать только четверо. И последним из них, наверное, был как раз Фалко Верти. Но не Вервекс же Скутум, который подарил ей шесть лет назад серебряный рог? И ведь удумал же, заявился четыре года назад с предложением. Да она и четыре года назад была уже выше его ростом, а теперь стала выше почти на голову. Вот до Фалко Верти она не доросла, да и не дорастет уже. Но отказала ему два года назад с его полуслова, полупредложения. Нет, она отказала бы любому, кто вознамерился бы заполучить ее руку, не завоевав сердце, но Фалко Верти она даже не позволила договорить, хотя и благоволила к принцу Фиденты. Нет, он не был уверен в ее согласии. В нем не сияло самодовольство Сигнума Белуа. Но глаза Фалко Верти сверкали. Он принес себя принцессе Лаве, как подарок. Но она не дала ему договорить. Поймала его руки до того, как он успел произнести больше, чем ее имя, и дала знак замолчать. А пока он хмурился, спросила себя, а может ли она прожить без этого тридцатилетнего, еще молодого воина со свисающей на лоб непослушной челкой? И ответила себе – может. А затем ответила Фалко. Прошептала тягуче и нежно:

– Выброси из головы эту ерунду! – и, ловя мелькнувшую в его глазах искру боли, предложила: – Давай напьемся.

И они напились как раз в этом углу этого самого трактира. Не до беспамятства, но достаточно, чтобы сказать друг другу, что их взаимная симпатия все же далека от взаимной жажды. Наверное, это был единственный случай, когда ей удалось не обидеть возможного жениха. Оставшаяся в ее списке предпочтений тройка к ней не сваталась.

Третим из них мог быть Фелис Адорири. Лучший воин из всех принцев, кто либо стал герцогом, либо пережил тот нелегкий одна тысяча четыреста девяносто девятый год и остался тем, кем и был. Он ни разу не заговаривал с Лавой Арундо. Он вообще не появлялся в Ардуусе после того, как был рукоположен королем Пурусом в герцоги Утиса. За него кланялся прави-

телю Ардууса король Салубер, его отец. А Фелис заключил брак с сестрой Фалко – красавицей Диа, и та родила ему дочь.

Вторым был герцог Адамас Валор. Тот самый, что подарил призовой рог Камаене Тотум и затем получил его обратно с щедрым содержимым. Тот самый, что основал новый Аббуту, который теперь старательно возводил принц Бэдгалдингира Тутус Ренисус вместе с герцогиней Аббуту и почти королевой Бэдгалдингира Фоссой. Тот самый, что теперь обращал весь Тимор в большой укрепленный бастион. Тот самый, что приютил тысячи беженцев и из Аббуту, и из Касаду, и из Валы, Иевуса, да и из Эрсет. Но Адамас Валор тоже никогда не заговаривал с Лавой Арундо. Еще бы, на ней была черная метка, как и на всех Арундо для всех Валоров. И женился Адамас Валор на нежной красавице из далекого Раппу. На Регине Нимис. На самой загадочной из всех принцесс. На той, по которой тайно и явно сох Игнис Тотум. Первый номер в списке Лавы.

Нет, она всегда понимала, что он ее брат, пусть даже и двоюродный. Она даже и помыслить не могла о том, что он может быть кем-то большим, чем просто братом. Но, пожалуй, к нему она могла прижаться, и ему она могла рассказать о многом, если не обо всем. Наверное, даже о том, что она жалеет, что он ее брат. Но Игнис Тотум, который, как и его сестра, исчез шесть лет назад, уж точно определил свою судьбу. Правда это или нет, но Болус орал еще лет пять назад, когда мастером тайной службы Пуруса стал высокий, худой и страшный Русатос, о том, что скоро Игнис будет пойман, потому что в храме Эбаббара обнаружилась запись о его сочетании браком с некоей девицей Ирис. И что же? Игнис все еще не пойман, да и за что его ловить? Разве он обвиняется в каком-то преступлении? Вот с Камаеной понятно, пусть даже Лава и раскопала что-то о ее невиновности, но даже ложные основания ее искать – были, и разговоры, что и смерть дяди Малума на ее совести, и кровавое свейское месиво в доме, где останавливалась королевская семья Лаписа, тоже не обошлось без нее, да и что-то странное, приключившееся в Дакките, все это хоть как-то объясняло ее поиски. Но что понадобилось королю Пурусу от Игнаса?

Один из выпивох, сидевших за крайним столом, поднялся и, с трудом удерживая равновесие, побрел к выходу. Старик-трактирщик перехватил его на полпути, но пьянчуга и не думал убежать. Он успокаивающе замотал головой и полез в кошель, где, судя по всему, монеты имелись. Трактирщик, получив плату, успокоился, а Лава смотрела на широкую спину как будто молодого мужчины и все не могла вспомнить, где она его видела. И только когда за ним захлопнулась дверь, она вспомнила. Ну, точно! Именно эта спина ей почудилась, когда она устроила слежку за домом дакита Йора на Рыбной улице. Того самого, что обучал бою и Лауруса, двоюродного брата Лавы, и Фламму, и еще кого-то. Лава, не имевшая учителя и хватавшая за грудки едва ли не каждого воина, в котором ей чудилась искра умения, раз в неделю неизменно проходила по Рыбной улице. Она уже знала, что Йор порой пропадал на год или на два, но в этот раз его отсутствие затянулось на долгие шесть лет. И недавно она обнаружила, что прилепленный ею на ворота дома Йора липовый листок разорван. А через день заметила эту самую фигуру, удаляющуюся от ворот, но не догнала. Неизвестный свернул на Столярную улицу и словно растворился в воздухе. Стучать в двери дома Йора оказалось бесполезным. И вот – снова он.

Лава сорвалась с места, едва не опрокинув недопитый кубок. Выскочила на площадь, на которой бушевала метель и сгущал сумерки вечер, и с трудом разглядела едва приметную цепочку следов, уходившую в Пьяный проезд. Выбежала, на ходу прихватывая гарнаш на груди, на безлюдную в ненастье Рыночную площадь, пригляделась к силуэтам магических башен, в окнах которых кое-где мерцали огни, удивилась стремительности незнакомца и остановилась в недоумении; след обрывался на перекрестке со Свечной улицей. Обрывался так, словно незнакомец или взмыл в небо, или снежный шквал пролетел между колдовскими башнями и прикрыл его бегство ледяным ковром. Лава оглянулась и с трудом сдержала слезы.

Неужели вся ее жизнь будет вот такой гонкой за исчезающими тенями? Что же такое происходит с нею? Да, вечер стремительно обращался ночью, и снег как будто усиливался, но не мог же незнакомец и в самом деле взлететь над площадью?

– Энки благословенный! – зажмурилась Лава от захлестнувшей глаза снежной крупы и выкатила на щеки слезы отчаяния. – Ну как же так?

Часть первая. Нелюдь

Глава первая. Портенум

Падающий снег тонул в черной воде озера Аббуту, ложился на метелки тростника, на серые мостки, на узкие лодки гахов. За спиной вздымался глинистый берег, в отдалении высились руины Эссуту, но и берег, и город таяли в мгlistой круговерти. Кама поежилась, плотнее запахнула куртку, погладила рукоять черного меча. Сколько времени она потратила на то, чтобы очистить его? Пять лет выполняла все предписания наставницы, часами повторяла бессмысленные движения, пока Виз Вини не очистила его одним щелчком, а по поводу прошлых придирок и наставлений сказала, что и чистить его не нужно было, протереть крепким вином – и довольно. Грош цена магу, если оружие или еще что, попавшее ему в руки, окажется сильнее его.

– А как же тогда это? – прижала руку к груди Кама.

– Ты что нутро скребешь? – усмехнулась Виз Вини. – Думаешь, камень в сердце твоём бултыхается? А если он в черепушку забрался? Или в глотке встал? Он теперь ты и есть, а что это такое – не мне тебе мозги вправлять. Если бы он меня отметил, я бы прикинула одно к одному, а так-то...

– Неужели ничего не знаешь? – опешила Кама.

– Не знаю? – с улыбкой переспросила Виз Вини. – Знаю. Но не всякое знание из уст в уши передать можно. Кое-какое только внутри себя вырастить. Вот ты думаешь, что пять лет без толку с утра до вечера с мечом топталась? Ну, думай. А вот как по-настоящему за меч схватиться придется, так и почувствуешь, что же все-таки, даже не разумея о том, вырастила в себе.

– А почему же тогда с Эсоксой все иначе? – вновь наполнилась недоумением Кама.

Да, Эсокса ни одного дня не топталась в одиночестве с мечом, не выполняла утомительные предписания. И с нее тысячи потов сходили, но сходили в схватках, стальными вихрями она металась по залу вместе с Виз Вини, не единожды скулила по вечерам, заживляя порезы и ссадины, без которых не обходилось. А вот Каме так пока что скрестить меч ни с Эсоксой, ни с самой Виз Вини и не довелось.

– Каждое деревце своего ухода требует, – рассмеялась Виз Вини. – Ладно, не бери в голову, поверь мне, все идет так, как должно идти. Завтра мы уходим с Эсоксой. Останешься одна. Но отдохнуть тебе не придется. Отправишься пока к Портенуму. Он знает, что с тобой делать.

– Он знает, что со мной делать? – пробормотала Кама, поежилась и покосилась на глинистый береговой обрыв. Вот опять приходится ждать старика. Что он там ей буркнул с утра, когда она умылась? Буду учить тебя схватываться с мурсом? Иди к воде и жди? И что же теперь? Вот она у воды, ладонь на рукояти меча, старика все нет. И как он собирается учить ее схватываться с мурсом? Разве можно вообще схватываться... с бесплотным? Где он возьмет мурса? Или будет его изображать? Хитрит что-то старый...

Кама на мгновение зажмурилась, представила седого, неуклюжего старика. Ростом ниже ее, но шире и тяжелее в несколько раз. На квадратной голове короткая щетка седых волос. Лицо словно вылеплено грубыми пальцами из сырой глины. Окаменевшей глины. Кама ни разу не разглядела улыбки на этом лице. Хотя уж два месяца, считай с лета, жила в убогой полуземлянке старика, таскала воду из колодца, готовила в уличной печи нехитрую еду. Теперь придется перебираться со стряпней под крышу, тепло лишним не будет. Сколько ей еще ютиться

в землянке со стариком? Когда вернется Виз Вини? Или не вернется вовсе? Хорошо еще, что старик чистоплотен, ни запаха в убогом жилище, ничего. Ничего лишнего.

Смутная тревога коснулась сердца Камы. Она снова поежилась, скользнула рукой к поясу, проверила завязи на одежде, встряхнула мешок на плечах. Требование Виз Вини во всякую минуту быть готовой к долгому пути казалось чрезмерным только в башне ордена в Эссуту. Здесь, в пяти лигах от города, никакая предосторожность не могла оказаться лишней. Еще бы, деревенька гахов лежала рядом, пройдешь лигу, минуешь поганый лес, продерешься сквозь колючий кустарник, и вот уже гахские огороды. А гахская ребятня еще позавчера носилась вокруг землянки Портенума – гахского угодника. Как он назвал себя при первом знакомстве с Камой? Портенум Орс? Шла Кама знакомиться с угодником Портенумом, а познакомились с Портенумом Орсом? Так и спросила старика тогда:

– И что – окликать двумя именами? Или одно выбрать?

Прищурился старик, затряс головой, словно засмеяться хотел, да обветренные губы изогнуть побоялся, проскрипел негромко:

– Ничего. Немного обстучишься, звонче станешь. Как тебе угодно, так и называй. Гахи меня Портенумом зовут. По-своему, конечно.

Маленькие гахи не выговаривали «р». Получалось – Потенум. А взрослые окликали старика или просто стариком, или годником. Не угодником, а годником. Считали его годным для целительства или еще для чего. Терпели, выходит. Каму терпеть не собирались, шипели ей вслед. Детишки так и вовсе бросались камнями, пока старик не прикрикнул на них. Пообещал разобраться с каждым, кто гостью его обидит. Ни учить ничему не будет, ни тянучками медовыми одаривать. Потом еще прошептал Каме, что ничем маленькие разбойники не отличаются от обычных детей. Разве что чуть пошустрее да чуть опаснее. А так-то что с теми, что с этими – одна морока. Но приручить, а то и придружить можно всякого.

Кама дружить с чужаками не захотела. Она не могла их видеть. Ни взрослых, ни маленьких. Здесь, на воздухе, они казались ей еще ужаснее, чем в подземельях Донасдогама. И не обликом, казавшимся насмешкою над человеческим телом, хотя все их черты и по отдельности были отвратительны – и яйцевидная голова, и маленькие уши, которые в минуты гнева они могли прижимать к голове, подобно псам, и острые, словно кромка пилы, зубы, и не ногти, а когти на пальцах, и особенно глаза, веки на которых скользили снизу и сверху, точно смыкаясь на уровне зрачков. Но пуще прочего ужас вызывала ненависть. Она сквозила из каждого взгляда и маленьких, и больших гахов. Обычная, будничная ненависть, которая словно несла в себе невысказанную ясность – ты враг, только враг и никогда не будешь никем, кроме врага. Ужас и отвращение дышали в груди Камы не сами по себе, а были отражением этой ненависти.

– Все и так, и все не так, – бурчал Портенум, который словно и сам побаивался гахов, хотя ведь принимал возле своей землянки не только старейшин из ближней деревни, но и из дальних, чуть ли не от самого Кадаха.

– Что так, что не так? – чуть резче, чем следовало, спросила Портенума Кама, которая два последних месяца только и занималась изучением странного, шелкающего с присвистами гахского языка да продолжала ночами танцы с мечом за низким коньком стариковой лачуги.

– Все не так, – кряхтел Портенум. – Мечом меньше маши. За нашей лачугой во всякий раз дозорный приглядывает. Гахи в темноте видят. Уже перемальвают между собой, что девка-убийца у меня на постое. А если убийца, значит, не на постое, а в карауле. А если в карауле, выходит, не доверяет старик Портенум гахам, а значит, никакой он не угодник, а посланный людьми соглядатай. А соглядатаев, чтобы не высмотрели что, нужно убивать.

– Сколько ты уже здесь живешь? – спросила Кама.

– Долго, – ответил старик.

– Очень долго? – прищурилась Кама.

– А ты бы у Виз Вини спросила, – таким же прищуром ответил Портенум.

– Не говорит она со мной, – поморщилась Кама. – Мало говорит.

– Если говорит мало, значит – золотом сыплет, – задумался старик. – Выходит, что много сказать хочет, если мало говорит. У тебя память хорошая, вон как гахский говор схватываешь, так что вспоминай все, что Виз Вини тебе сказала, да пересыпай в голову. Надолго хватит.

– Ты тоже так поступаешь? – спросила Кама.

– Случалось, – кивнул Портенум. – Особенно в первое время. Когда мы тут с ней вдвоем остались.

– Вдвоем? – не поняла Кама.

– Вдвоем, – ответил Портенум и добавил, укладываясь на постель. – Так что когда сюда гахи пришли, а до них еще и всякая другая нечисть, то я тут уже за старожилу считался. А то бы, думаешь, так бы меня и терпели эти... тритоны...

– Так ты... – наморщила лоб Кама.

– Спать, – отрезал Портенум, повернулся на бок и вскоре засопел, как сопят все старики.

Что же получается, старику не меньше тысячи лет? И Виз Вини столько же? Ну, с Виз Вини еще можно согласиться, она ведь вроде акс, хотя и ни словом больше не возвращалась к этой теме, а все равно – сказанного однажды хватило. Как молвила она, когда встретила почти шесть лет назад Каму и Эсоксу на краю пропасти у Змеиной башни? «Я не человек. Я акс». И много ли она вообще сказала за эти годы слов Каме? Ведь говорила что-то... Но мало, очень мало. Когда еще вела Каму и Эсоксу от пропасти по северному, голому берегу Аббуту к руинам Эссуту, среди которых высилась башня Ордена, предупредила, что болтать не любит, говорит только тогда, когда не может не сказать. Да и не до разговоров сейчас. Ей не говорить нужно, а слушать. Слушать, как дышат, как идут, как смотрят ее гости. Но, видно, гости настолько были поражены явлением на краю пропасти удивительного существа, так пытались высмотреть в ней отличия от обычной женщины, что уже на второй день пути Виз Вини скривила губы и разрешила спутницам задать ей по одному вопросу. По единственному, но уж на него она ответит так, как сможет.

– Зачем мы тебе? – спросила ее Эсокса. Успела уже немного прийти в себя даккитская принцесса, но все еще шла, стиснув зубы и морщась от боли и немощи. И Виз Вини видела ее упорство и даже кивала одобрительно, хотя дорогу выстраивала, не соотносясь со слабостью спутниц.

– Вы мне? – удивилась Виз Вини, сдвинула брови, протянула было с интересом. – Я-то была уверена, что это я вам нужна. Или нет? Вот ведь как складывается?

Помолчала немного, но улыбку на лицо натянула.

– Хорошо. Я отвечу. Я не служу ни тем, кто правит в Анкиде, ни тем, кто правит в Эрсет-латари. Хотя бы потому, что нет теперь среди правителей никого, кто мог бы ясно разглядеть беду, нависшую над этой землей и этим небом.

– Не над этой землей. – Виз Вини с усмешкой поймала недоуменный взгляд Камы на безжизненный берег, черную воду, серое небо. – Надо всей землей. Но если эту беду не остановить, то этот берег покажется на фоне всей остальной земли цветущим садом. Я этого не хочу.

– И для этого ты хочешь взять нас в свой орден? – нахмурилась Эсокса.

– Пока что я хочу привести вас туда, где вы сможете отдохнуть, – ответила Виз Вини. – А там посмотрим. Но, чтобы вы знали, весь мой орден – это я одна. Случался у меня народец числом и побольше, но сейчас я всех распустила. Разве только старик один живет не так уж далеко от моего убежища, но он не из моего ордена. Так что я им не правлю. А то бы и его отпустила. И вас не задержу против вашей воли. Но предложу, конечно, поучиться чему-то. Может быть, и дело подходящее для вас найду? Конечно, если и вам не хочется, чтобы ваша земля стала вот такой же. Или хуже.

– Что мы можем? – прошептала Эсокса. – Разве только погибнуть?

– Ну, я бы не спешила с гибелью, – понизила голос Виз Вини. – Но обещать славный исход легкой битвы в виде доброй пирушки не могу. Даже для самой себя. Но уж поверьте, если бы вы ничего не могли, я бы не разгуливала по Сухоте и не торчала так долго у Змеиной башни. Все-таки ни трактира, ни постоянного двора поблизости.

– Что мы можем? – повторила вопрос Эсокса.

– Иногда следует лишь оказаться в нужное время в нужном месте, – негромко заметила Виз Вини. – Необязательно для того, чтобы убить кого-то. Порой того, кого нужно убить, убить невозможно. Может быть, для того, чтобы не дать кого-то убить. Но главное, для того, чтобы он... – Виз Вини вдруг на мгновение помрачнела, словно печать прожитых столетий легла на ее лицо, – чтобы он не вернулся. И я не знаю, когда случится это время. И я не знаю, где это место. Но вы должны быть готовы к этому. Ты?

Она повернулась к Кама.

– Я? – не поняла Кама, которая слушала Виз Вини как замороженная.

– Твой вопрос, – напомнила Виз Вини и добавила: – Но скажу сразу, я не устраивала так, чтобы и ты, и твоя подруга лишились крова, родных и оказались без средств к существованию. Слишком сложный и слишком долгий путь. К тому же я никогда не делаю... так. Я убеждаю. И те, кого я не смогла убедить, живут долго и счастливо. Чаще всего.

– Если живут, – подала голос Эсокса.

– Всякое случается, – ответила Виз Вини. – Твой вопрос, девочка.

– Вот. – Кама приложила руку к груди.

– Я знаю, – кивнула Виз Вини. – Ты сможешь спрятать это даже от акса, но я знаю.

– У меня там... – Кама зажмурилась. – Об этом говорят, словно о камне. Об одном из шести. Или об одном из семи. Об одном из тех камней, что сияли на груди...

– Лучезарного, – сказала за Каму Виз Вини. – Что ты хочешь узнать? Сразу замечу, эта задачка может оказаться не на мой зуб.

– Семь камней, – проговорила Кама. – Семь звезд. Семь и семь. Семь огней на груди Лучезарного и семь огней вокруг Бледной звезды. Семь огней, семь звезд, что разлетелись искрами над Анкидой и выжгли древние святыни, и семь камней на груди губителя – это... одно и то же?

– Вот даже как... – задумалась Виз Вини. – Что ж. Я отвечу. Отвечу то, что думаю по этому поводу, хотя сказать точно не могу. Я не могу свидетельствовать о падении Бледной Звезды, как не может свидетельствовать об этом никто из аксов. Думаю, что не может. Хотя свидетели могли еще остаться... Я появилась здесь несколько позже...

Вновь словно старость и немощь тенью накатили на юное лицо Виз Вини. Она даже пошатнулась, но затем открыла глаза, улыбнулась и проговорила почти весело:

– Я не думаю, что это одно и то же. В противном случае, я должна была бы увериться, что тот огонек, что ты хранишь в груди, однажды, к примеру, выжиг дотла святыню Барагал. Но я допускаю, что искра от той звезды сохранилась, и теперь она в тебе. Или одна из семи искр. Понимаешь?

– Но что это? – сдвинула брови Кама.

– Тебе разбираться, – пожала плечами Виз Вини. – Может быть, один из источников силы, может быть, одно из отверстий в сущем, через которое льется... свет. Или не свет. Я не знаю.

– Почему? – сорвалось с языка Камы.

– Недостаточно мудра в эту сторону, – засмеялась Виз Вини. – Думаешь, что долгая жизнь умножает мудрость сама по себе? Только учение, дорогая, только учение и знания, которые ты приобретаешь в учении...

– Знания, – повторила Кама, стоя теперь на берегу мертвого или спящего озера. – Откуда же их взять? Ну, где же ты, Портенум? Как ты собираешься испытывать меня на стойкость против мурса? Приведешь одного из них и предложишь ему завладеть моим телом?

Кама оглянулась еще раз, представила, как снег укутывает невидимый за кромкой обрыва дикий, неприятный ей чужой лес и забормотала, запела вполголоса ту песенку, что напевала ей в подземелье еще Эсокса, и которая, словно вынырнула, проявилась и из собственного, забытого уже младенчества Камы:

Сонный стекает с небес порошок.
Спи, моя радость, мой нежный цветок.
В облаке прячется звезд пастушок.
Ты – звездное устье, я – твой исток.
В темных пещерах тяжел потолок.
Плещется в черной воде малышок.
Если я – стебель, то ты – лепесток.
Если я – стебель, то он – корешок.
Вырастет ужас, и вырастет страх.
Вырастет в бездне из мальчика гах.
Спи, моя радость, до этих времен
Что-то продлится, но только не сон...

Холод сначала мазнул ее по затылку, а потом сковал поясницу. Стиснул железным обручем чуть выше пояса с мечом и ножами. Ударил в ноги и медленно пополз вверх, давя в глотке крик ужаса.

– Ах ты, старый пень! – захрипела Кама, но не открылась, не выплеснула пламя, что училась скрывать, укутывать все эти долгие, утомительные пять лет. Пять лет, в которые ей пришлось если не справляться с собственной ненавистью, если не утолять рвущую ее на части жажду мести, то уж во всяком случае научиться дышать в ладу с собственным нутром. Главное – не открыться. Что бы ни придумал старый Портенум, какую бы магию ни наслал на Каму, главное – не открыться. А ведь и повода не дал подумать, что силен в колдовском ремесле! Подчинить хочешь? Не выйдет.

Стиснула кулаки, потащила, повлекла руки одна к другой. Сомкнула колени, подбородок прижала к груди. Зубы стиснула, до темноты в глазах и ломоты в челюстях сжала, вмяла локти в бока. Стынь между тем уже расплзалась по ребрам, подбиралась к сердцу. Сколько она знает насторожей от мурса? С десятков. Сколько она помнит способов скинуть с себя чужую ворожбу? Уж не меньше полусотни, и откреститься от могильца три или четыре отговора надежных тоже знает. Что же получается? Выговориться и забыть? Упасть на колени, потому что силен оказался дед, если не выжечь ее изнутри хочет, так уж точно вымотать в тряпку, и поблагодарить его за науку? А потом? Подходи всякий и делай с ней все, что хочешь? Ну уж нет! Отворота ждешь? А не будет никакого отворота!

Соединила кулаки. Сплела пальцы. Выдохнула, подпустила стынь чуть выше. Не к сердцу, а по ребрам к самым ключицам. Даже стылыми струйками к самому затылку. Нет, Портенум, я не я буду, если не выведаю у тебя, что за магию ты на меня наслал! Смотри, старик, если руку запустил мне в нутро, так без руки и останешься, я тебя в самой себе сжигать буду! Или думаешь, если пальцы сплела, то нечем будет заклинание связать?

В голове сотворила ведьмины кольца. Огненные и слепящие. Но не выпустила их из себя, уж больно быстро начал наливаться стынью затылок, а погнала пламя через собственное тело. Погнала, не обжигаясь, только вкус крови почувствовала во рту, когда глотку от стыни освободила, да в носу захлюпало тем же вкусом. А потом, когда уже холодное забилося под серд-

цем, пытаясь вырваться, взглянула на собственные, алеющие кровью ногти, стиснула руки еще сильнее и завyla, заорала, сжигая и калеча чужую магию. Но не удержала.

Нечто странное, напоминающее клочья тьмы, через окровавленные пальцы и вырвалось. Вытекло десятком рваных струек и соткало истерзанную фигуру. Почти теряя сознание от боли и злости, Кама вспомнила наставления Виз Вини и махнула окровавленными ладонями в сторону бледного худого лица:

– Имя?

– Диафанус, – прошелестело с ненавистью, и фигура рассеялась...

– Кама! – раздался истошный крик Портенума с гребня. – Вставай, дура! Что расселась? Быстро вставай!

«Дура? – удивилась Кама. – Вставай?»

Оглянулась и тут только поняла, что сидит без сил на заснеженной полосе песка, попыталась встать и не смогла.

– Вставай! – заорал, срываясь в хрип, старик. – Быстро в лодку! Или смерть!

В лодку? – не поняла Кама, упала на бок, оперлась на колени, на локти, но все-таки сумела встать, хотя и озеро, и берег, и серое небо начинало куда-то крениться, клониться, смазываясь снежной мглой. В какую лодку? В старую развалину, которую старик приходил проверять к мосткам каждый вечер? Или в одну из этих узких плетеных гахов? Так они тоже чуть дышат. Срок им пришел, новые только по весне сплетать.

– Быстрее, – подбежал Портенум и подтолкнул, едва не сбил с ног девчонку. – Быстрее в лодку! Эх! Надо еще порубить эти... Да что с тобой?

Старик выхватил из ножен короткий меч и начал торопливо рубить тростниковые лодки. Кама ступила на скрипнувшие мостки и вдруг поняла, что слышит удары бубна.

– Что это? – прохрипела она, обернувшись на взопревшего старика.

– Гахи, – бросил он, распуская затейливый узел, что прихватывал за корму смоленую-пересмоленную лодчонку.

– Что им надо? – не поняла Кама.

– Убивать нас хотят, – отрезал старик.

– Зачем? – затрясла головой Кама.

– Время пришло! – рявкнул старик, подталкивая девчонку. – Ну? Быстро! Весла под скамьей!

Над глинистым обрывом раздался вой, крик, и сразу вслед за этим показались фигуры гахов. Они размахивали копьями и луками и скатывались к воде.

– Ну, давай, родимая. – Старик толкнул лодку и запрыгнул в нее. – Гребни, девонька, гребни. От этой беды мы должны уйти, ты должна уйти. Я уж как-нибудь.

Кама неумело зашевелила веслами, потом поймала вырезы в бортах, вставила в них рукояти и, преодолевая тьму в глазах, опустила лопасти весел в воду один раз, второй. Лодка двинулась и стала медленно отходить от мостков. Когда сапоги гахов застучали по ним, между ней и берегом было уже с полсотни шагов.

– Вот так вот, – пробормотал Портенум, ухватился руками за борта лодки и замер, выпучив глаза. И в тот же самый миг стрелы защелкали по корме, зашумели в воде. Одно, второе копьё зарылись в воду рядом с лодкой. Одно пролетело над головой Портенума, а последнее пронзило его насквозь, вышло окровавленным острием под грудью.

– Умеют же, тритоны, – раскатился хриплым булькающим смешком старик и прохрипел чуть слышно: – Гребни, давай, девка. Я постою еще пока, прикрою тебя на пару десятков гребков, а там уж сама.

Глава вторая. Иевус

Юркий, черноволосый иури, который вел за собой рослого, закутанного в теплый плащ мужчину, долго петлял узкими улочками Иевуса, скрипел рассыпанным поверх намерзшей за ночь ледяной корки песком, иногда кашлял от задуваемого в ущелья-проулки дыма. Зима надвигалась на древний город, но он только щетинился печными трубами и бодрился теплыми дымами. Шесть лет миновало с того самого дня, как воинство Слагсмала разграбило Иевус, и вот – дома восстановлены, обрушенные ужасным колдовством ворота вновь опираются на черные, обожженные древней магией камни, и улочки никак не назовешь малоллюдными, откуда только взялись вроде бы истребленные иури? Пахнет домашней стряпней, на галереях вторых этажей на ветру гремит, вымораживая сырость, белье, степенные горожане в теплых халатах и войлочных сапогах с короткими голенищами укладывают на карнизы между домами потемневшие от времени, кое-где еще прикрытые лаком, затемненные копотью от факелов доски. Высоко, чтобы прошли без поклона горные рефаимы. Хотя где они, великаны?

– Через месяц город снегом завалит, – обернулся, кутаясь в обмотанный вокруг горла ветхий шарф, иури-проводник. – Снег-то убирать некуда. Да и зачем его убирать? Все эти улочки будут словно подземелья. Теплые подземелья. Хоженые. Правда, запашок тут будет стоять еще тот, но если не ютишься в подвале, то жить можно.

– Куда дальше? – остановился рослый на перекрестке, поправляя торчащий из-под плаща за спиной то ли меч, то ли деревяшку.

– Как так куда дальше? – не понял, оборачиваясь, проводник.

Улицы в четыре стороны сияли свежим ледком, песком присыпаны не были, если только мусором да замерзшими помоями залиты. Доски над ними никто не ладил. Окна в домах вроде бы были прикрыты. Но не ставнями, не досками, не тем более стеклом, а затянуты мешковиной. Однако дым из труб курился и здесь. Правда, лишь кое-где, и ни души не было ни на одной из улочек. Хотя топот за стенами слышался и двери невидимые поскрипывали кое-где. И проводник вдруг начал вытирать дрожащей рукой лоб.

– Куда ты меня привел? – спросил высокий. – Это же мешочный квартал. С чего бы это посланнику рефаимов снимать тут жилье? Добро бы он был бродягой, ну так и бродяге я бы не посоветовал сюда соваться. Тут ведь воры правят, приятель. Я так понимаю, с немалым трудом удалось очистить от них город, только этот угол и остался за ними? Пока, смею надеяться. Ты что замыслил-то? Или тебе здесь больше платят, чем с меня мог получить?

– Так таится он, – засмеялся, нехорошо засмеялся проводник. – А где ж таиться, как не здесь? Ты-то ведь не просто так провожатого искал? Сам бы, что ли, заплутал в Иевусе? Не общаются ни с кем рефаимы, никого не пускают в Рефу. Напуганы очень последней войной. Сильно они пострадали, очень сильно. Оттого и посланник их здесь прячется.

– Война уже шесть лет как минула, а рефаимы еще трясутся? – удивился высокий. – Отчего ж тогда посланника в Иевусе держат? Чтобы еще страшнее было?

– Так известное дело, – с напряжением пожал плечами проводник. – Чтобы знать, чего бояться.

– Боишься, я вижу, ты, – заметил высокий.

– А мне чего бояться? – хихикнул проводник и попятился, заскользил прочь от высокого. – Я уж отбоился свое. Теперь твой черед, уж поверь, не тебя первого привожу сюда.

– Я так и предполагал, – вздохнул высокий, оглянулся, покосился на затянутые паутиной ворота в ближайшем доме, шагнул назад, выудил из-под плаща руку и неожиданно рассыпал вокруг себя песок, потоптался, расправил плечи. – Ну, где твое пугало, от которого ноги-

то трясутся? Показывай. Или думаешь, я не знаю, кто ночным Иевусом заправляет? Выходи, Гигас. Разговор есть!

Выкатились из-за неприметных дверей сразу с десятков согбенных теней. Не от старости согбенных, от походки, которая больше для воровства да грабежа на темных улочках пригодна. Заблестели в грязных руках клинки. Четверо за спиной, по двое в каждой из улочек. Да и прожатый приободрился. Захихикал, даже шаг вперед сделал:

– А выбирай любого да разговаривай! Только раздеваться уж начинай понемногу. Завязито распуской, какая нужда дорогую одежду сечь?

– Гигас! – повысил голос высокий. – Выйдешь или нет? Хватит сопеть в кулак. Теней уж с дюжину на улицу выгнал, может быть, снизойдешь до разговора? Или боишься? Так я не даку, мною маленьких рефаимов не пугают. Что, мелочь, боится ваш вожак? Или ноги его не слушают? Может быть, мне сменить его? Будете мне служить? У меня, по слухам, есть капля крови рефаимов в жилах. Да и не только их, но и этлу!

Ворота в десятке шагов от высокого вылетели с треском, развалились на доски, осыпались пылью. Высокий бы в эти ворота вошел не пригибаясь, да и вытянутыми руками до притолоки бы не достал, а великан, что за воротами стоял, вышел из них, едва головой не чиркая. Остановился напротив высокого, который тут же коротышкой показался, поправил жилет, сшитый из пары воловьих шкур, плюнул под ноги, словно коровий лепех уронил, потянул с пояса нож. Всем ножам нож. Длинной, что полуторный меч, а шириной такой, что и секиру прикрыть можно.

– Ух ты! – оторопел бывший высокий. – Это ж надо... Как же прокормить такого...

– Ничего, кормимся помаленьку, – снова сплюнул великан, провел ногтем, как лопатой, по лезвию ножа. – Чего сказать-то хотел, родственничек? Измельчала, я смотрю, в тебе порода. Говори, а то ведь, когда резать тебя начнем, не до разговора будет.

Округлые глаза чудовища смотрели на высокого спокойно, и толстые, как будто обветренные губы-валы тоже шевелились спокойно, словно великан насвистывал что-то неслышимое.

– Хорошо, – прокашлялся высокий, который так и замер в десятке шагов от чудовища, тому только ручищу протянуть, чтобы снести голову наглеца с плеч. – Первый вопрос сразу отпадает, хотел я поинтересоваться, почему тебя до сих пор городской голова из Иевуса не вытравит, так вот в эту сторону больше интереса не имею.

– Еще два вопроса, – прогудел Гигас. – Долго говоришь, я что, зря от камина поднялся? Теперь еще и дверь придется из-за тебя править.

– Ладно, – кивнул высокий. – Второй вопрос будет о временах стародавних. Полторы тысячи лет назад в битве против Лучезарного при Барагале участвовали сто тридцать рефаимов. Отчего же они теперь испугались всего лишь ватажников Слагсмала?

– Ну ты спросил, – стукнул губами великан. – Похоже, я с удовольствием буду тобой... кормиться. Даже с почтением. Но я тебе отвечу. Они, те сто тридцать великих воинов, не в одиночку шли против Лучезарного. Они шли, чтобы соединиться с войском императора. С войском великого императора Лигурры. И их дети были в безопасности. А детей тех воинов, что погибли, помогая Слагсмалу взять Шуманзу шесть лет назад, тот же Слагсмал взял в заложники. Люди маленькие, пролезают в такие щели, куда и крыса не всегда проберется. Впрочем, это уже неинтересно. Я отбил от своих. И если тебе скажут, что есть в Иевусе посланник от рефаимов, – не верь. Нет тут никого. Хотя какая тебе разница, если тебя не будет? Все, давай последний вопрос, а то холодает что-то. Эх, плащик твой маловат на меня. Хотя исподнее из него выйдет ничего себе.

– А если снова поднимется Лучезарный? – спросил высокий. – Если его наследники будут тащить своего покровителя из бездны? Если вновь выйдут к Барагалу его слуги, разве рефаимы уже не выступят против их господина?

– Вот как выходит? – зажмурился великан. – Ну, не мне этот вопрос задавать надо, но я отвечу. Рефаимов мало. Таких вот, вроде меня, и сотни не наберется. Ну, если из дальних деревень подтянутся... Ну, сотни полторы. Но ведь императора-то нет. А против великого воинства и полторы сотни рефаимов – это так. Тьфу. А уж если с той стороны этлу встанут, так и вовсе... Ну, ты должен знать. В тебе же вроде и кровь рефаимов, и кровь этлу? Да и где тот император, что соберет воинство? Ваш этот... как его... король Пурус? Наслышан, как же. Он сам скорее на ту сторону переметнется.

– А ты на какой стороне? – негромко спросил высокий.

– А тебе-то что за дело? – оскалил желтые зубы великан.

– А ну как я стану войско собирать? – спросил высокий.

– Ты? – выпучил глаза Гигас, закатился в хохоте, обернулся, зыркнул глазами из-под низкого лба на своих подручных, что замерли поблизости с выставленными мечами, дождался тонкого, подобострастного хохотка, снова посмотрел на высокого. – С меня решил начать? А кормить чем будешь?

– Вот незадача, – покачал головой высокий. – А ведь не прокормлю. Здоров больно, хотя, – он повысил голос, – если человечинной не брезгуешь, вот тебе на первое время!

Словно птица какая свистнула над крышей. Один или два раза, непонятно, но сразу же треск раздался и, ломая луки и стрелы в заплечных тулах, слетели с укромных мест два темных стрелка, и у каждого из глаза торчало по странной, как будто вырезанной из свежего дерева, неошкуренной стреле.

– Ах ты!.. – взревел Гигас и, вновь разворачиваясь к высокому, ткнул в него огромным ножом, но не достал почему-то. Промახнулся. На половину локтя взял в сторону. И снова ткнул. И снова. Но все никак не мог попасть, вроде бы и точно метил, но все бил рядом, будто высокий растворялся там, где стоял, и возникал в шаге в сторону.

– Да ты, тварь такая, шустрый, смотрю! Как зовут-то тебя?

– Зачем тебе мое имя? – продолжал уклоняться от его ударов высокий, оставляя после каждого выпада кровавую полосу на огромных руках. – Я тебя уже не нанимаю.

– Да я сейчас! – зарычал великан и, снеся очередным ударом угол ближайшего дома, бросился вперед, чтобы придавить этого жалящего его серым клинком смельчака.

Но тот не отшатнулся, не побежал, не уклонился, а сам шагнул навстречу, ударившись с Гигасом грудь в грудь. И не упал, не расшибся, не разлетелся осколками и не обрушился грудой раздробленных костей, устоял, хотя мало было удара такой туши – руки великана должны были разорвать наглеца на куски. Но не разорвали. Обмякли, упали, выпустили нож.

Высокий с трудом освободился из-под нависшей над ним туши, отошел на шаг, толкнул мертвеца и только тогда выдернул из-под нижней челюсти вошедший до рукояти в голову Гигаса меч. Темная кровь ударила потоком. Все прочие прислужники великана уже лежали, пронзенные стрелами.

– Вот ведь, – огорченно наклонился, чтобы прихватить снега и стереть попавшую на плащ кровь, высокий. – Вымазался! А ведь сберегался.

– Долго ты сберегался. – Хрупкая на вид, но высокая и гибкая девушка в теплом гарнаше, не выпуская из рук диковинного лука, только что перебралась с крыши на ближайшую галерею и в два прыжка оказалась на окровавленном льду. – Я уж думала продырявить эту тушу стрелкой, да побоялась – обидишься.

– Ты, да побоялась? – высокий посмотрел на лучницу с нежностью, убрал серый клинок в ножны, висевшие на поясе под плащом, поправил то, что торчало у него за спиной. – Вот уж не поверю.

– За тебя побоялась, – ответила она негромко с такой же нежностью и добавила: – Ты обещал помочь выдернуть стрелы.

– Непременно, – согласился высокий.

– Куда теперь? – спросила она.

– На постоянный двор, – ответил высокий. – Ты же слышала, городской голова будет говорить с нами только в том случае, если я помогу избавиться от этого людоеда, да и лошадей обещал нам дать.

– Этот Гигас и в самом деле ел людей? – поморщилась девушка.

– Точно не скажу, но обглоданные, вываренные кости находили на этих улочках.

– Зачем тебе городской голова? – спросила девушка. – Лошадей мы можем купить и сами. А больше нам ничего и не нужно. Чем он поможет тебе, если не мог справиться с этим переростком? Да и что у него сил? Двух сотен стражников не будет на весь город. Только тем и держится, что свеи прежней силы еще не взяли.

– Кто сказал, что он нам должен помочь? – удивился высокий, начиная выдергивать стрелы из мертвецов. – А вдруг это я хотел ему помочь? Точнее, мы. И разве мы ему не помогли?

– Может быть, он нам еще и жалованье своих стражников за полгода вперед выплатит? – скривилась девушка.

– А вот это вряд ли, – усмехнулся высокий. – Я думаю, он и лошадей даст нам каких-нибудь... немудрящих. Но без лошадей нам никак. А покупать лошадей мы пока не станем, хотя, – он встряхнул снятый с пояса великана кошель, – нам бы хватило. Но дело не в том, что я хочу взять лошадей именно у городского головы. Дело в том, что не нужно противиться его желанию помочь нам. Это привяжет его к нам еще крепче. Не отказывай человеку в желании потрудиться для тебя. Это нужно. Поверь. Наверху не слишком скользко?

– В горах было слишком скользко, – улыбнулась девушка. – Если бы не эти горы, мы бы и в лошадях до сих пор не нуждались. Ведь я говорила тебе, что рефаимы не будут с тобой разговаривать!

– Теперь будут, – ответил высокий.

– Опять в горы? – скорчила недовольную рожицу девушка.

– Еще чего? – нахмурился высокий. – Теперь они будут меня искать, а не я их. Пойдем крышами. Хочу посмотреть на город сверху. И не хочу, чтобы нас видели.

Часом позже странная парочка, не привлекая особого внимания, сидела в теплом трактире у заново отстроенных ворот Иевуса и отдавала должное тушеной баранине. Снег, который недавно лишь намекал на скорую зиму, повалил за окном стеной, вынудив трактирщика зажечь лампы. Еще через час в зале появился облепленный снегом посыльный городского головы, который принялся бурчать, что этакую тушу и на телегу не поднимешь, да и телега не по каждой улочке пройдет, а если и пройдет, то где хоронить такого быка? Земля уже замерзла – долбить не передолбить. Но высокий пресек нытье посыльного и отправился с ним во двор трактира, чтобы принять обещанных лошадей. Сам городской голова на встречу не явился, но высокому словно не очень-то и хотелось с ним разговаривать. Он уже наелся и, глядя на свою спутницу, подумывал как будто только об одном – оставить лошадок на попечение трактирщика и уходить не в ночь из города, а с утра.

– Как лошади? – спросила его спутница.

– Лучше, чем я мог бы предполагать, – ответил высокий. – До Обстинара доберемся без особых хлопот.

– Значит, – она нахмурилась, – пришла пора говорить с герцогами Ардууса?

– Ну, – высокий пожал плечами, – с герцогами Ардууса мы уже говорили, пусть и не лицом к лицу. Но, пожалуй, если начинать говорить с кем-то, то именно с герцогами Обстинара и Тимора. А уж дальше посмотрим.

– Сколько нам осталось? – помрачнела девушка.

– Думаю, весной или летом начнется, – вздохнул высокий.

– Что начнется? – услышали они странно визгливый, хоть и тихий голос.

Высокий обернулся мгновенно, вскочил на ноги, но выхваченный им из ножен серый меч был выбит из его руки еще быстрее.

– Опустит лук, дочка, – пробормотал страшный, покрытый шрамами, будто коростой, коротышка, нагибаясь за мечом высокого. – Или ты хотела, чтобы я смотрел, как меня протыкает насквозь твой муженек? И ты, парень, не хмурься. Я ж за спиной у тебя стоял. Хотя, будь ты лицом к лицу со мной... Впрочем, не будем гадать, мечник ты не из последних. Другой вопрос, что я из первых.

– Как тебе это удалось? – пораженно прошептал высокий, принимая из рук коротышки меч. – Подойти неслышно? Выбить меч? И кто ты?

– Да опустит ты лук, – поморщился в сторону девушки, усаживаясь за стол, коротышка. – Разговор у меня к твоему мужу. Да и к тебе, вы ж срослись – не разделить?

– С чего ты взял, что мы муж и жена? – медленно присел рядом с коротышкой высокий. Он с недоумением оглядывал лицо незнакомца, с которого словно содрали кожу, несколько раз проткнули горло, вынудив вместо внятного разговора визжать и пищать покалеченными связками, но умереть отчего-то не дали. Или же он был уродом с детства? На правой руке пальцы были короче обычных на целую фалангу, а вместо левой в рукаве розовел вообще какой-то обрубок. К тому же, кажется, незнакомец и прихрамывал на обе ноги? Как он сумел выбить меч из руки высокого?

– С чего я взял-то? – удивился коротышка и тут же вытащил из рукава, показал и высокому, и его спутнице маленькую, почти детскую ладошку. – Чего глаза таращить-то? Такая же рука, как и у вас. Просто не отросла еще как надо. И шрамы эти... Ерунда это, а не шрамы. Лучше шрамы на лице, чем вообще без лица. Ничего, заживет еще все. Вся эта короста годами может мучить. Так всегда и бывает. Срубишь себе палец, отрастишь его за месяц-полтора, а сломанный ноготь полгода не можешь на здоровый перебить. А насчет жены, чего там гадать, или не ты, парень, записался в эбаббарском храме пять или шесть лет назад? Знаю, знаю, что ты таскаешься с ярлыком на имя чекера Асаша, но так что мне-то с ярлыка? Ты Игнис Тотум, а эта девица – твоя жена – Ирис. Тоже теперь Тотум, стало быть. И не смотри на меня так, я о тебе давно слышал. Ты ведь всюду таскаешь за собой деревяшку. Замотал бы, что ли, ее под посох, а то прирастет к спине-то...

– А ты кто? – спросил Игнис.

– Я-то? – Коротышка прикрыл глаза, помолчал немного, потом неохотно молвил: – Никто. Зови меня Нуллус.

– Но ведь это не твое имя? – нахмурился Игнис. – Я тебя знаю?

– Может, и знаешь, а может, и нет, – пробормотал коротышка. – Считай, что нет. Да и что такое имя? Откликаюсь, значит – имя годное. Есть и другие, но назвать не могу. Не оттого что боюсь твоей болтливости, болтливее меня еще поискать надо. Нет. Враг, который сделал со мною то, что ты видишь, очень опасен. Он и не выболтанное, а подуманное может услышать. Хотя твоя черепушка плотная, не проглядишь просто так. Все равно, пусть думает, что меня нет. Так что Нуллус и все.

– И что же удивительному мастеру меча Нуллусу нужно от принца без королевства и его жены? – скривил губы Игнис.

– Нужно кое-что, – кивнул Нуллус, поднял голову, моргнул уродливыми, без ресниц веками. – Война скоро.

– Не сомневаюсь, – ответил кивком Игнис. – Войско собираешь?

– А чем я хуже тебя? – изобразил улыбку Нуллус. – Ну, ростом пониже, статью пожиже, а так-то? Да, знатностью не отмечен, зато прыткостью не обделен. Да, прихрамываю пока, а к весне буду в самый раз. Но войска я не собираю. Это ты собираешь. Уж пятый год бродишь по Анкиде? И не только по Анкиде? Кария, Даная, Экрон, Лигурра, Галата, Самарра, Монта-

нус, Рапес, Пета, Тирена, Касаду? Везде побывал? Валу и Махру, еще не пришедших в себя, и то зацепил. Даже с жожаками свеев и вентов сумел разговор завязать? И все еще жив. Вот, помогаешь местным правителям с их разбойниками разобратся? Это еще зачем? Тебе ж пора к атерским герцогствам подбираться. Или не это самое сложное?

– Ты, как я вижу, все обо мне знаешь? – помрачнел Игнис.

– А ты как хотел? – удивился Нуллус. – Если нитку по ветру тянешь, как ни прячь ее с глаз, слух выдаст. Ветер посвистывает на той нитке, когда вразрез идет. Ну, свистит тихо, в осторожности тебе не откажешь, но умная голова одно с другим сложит и расплетет без ошибки.

– А чем же плохо, что я с разбойником разобрался? – спросил Игнис.

– Всем плохо, – вздохнул Нуллус. – Я бы к тебе и так подошел, давно тебя тут жду, а вот городского голову ты плохо разглядел. Иевус город крепкий, если бы не особенная магия прошлой войны, и сейчас бы собственной неприступностью гордился. И народ здесь особенный. Цепкий. Под стать ханеям, только выморожен, а все вымороженное по теплу гнется, а по холоду со сталью бьется. Он же тебя зачем к Гигасу послал? Чтобы избавиться от надоедливого выскочки. Тебя ведь уже пытались убить в этих странствиях. Как раз те, к кому ты за помощью обращался, они и пытались. Сколько раз? Дважды?

– Трижды, – обронил Игнис.

– Понятно, – почесал нос Нуллус. – Значит, не только данайский и галатский правитель хотели прихлопнуть самозванца, что их дружинных смущает, но и еще кто-то? Так, сейчас прикину... Думаю, что правитель Петы решил позабавиться. Такой у него срам при дворе... Как ты выпутался-то?

– Дружина в Пете небольшая и разжиревшая, – ответил Игнис. – Теперь убавилась вдвое. Да и...

Он посмотрел на Ирис. Та чуть приметно улыбнулась.

– Да, лучница у тебя, я слышал, редкая, – кивнул Нуллус. – Выручила, значит. Но судьбу-то с умом испытывать надо. Тебе лошадей голова дал?

– Дал, – кивнул Игнис.

– Хороших? – скривил в улыбке шрамы Нуллус.

– Думал, что даст хуже, – насторожился Игнис.

– Думай дальше, – развел руками Нуллус. – Отпускать он тебя не хочет. Убивать будет. Или ночью в трактире. Или на воротах. А знаешь, почему? Не из-за лошадей. Из-за Гигаса. У головы с Гигасом все было схвачено. Доля от его разбоя шла в карман головы. Доля от дохода ратуши – к Гигасу. Удобно иметь такого здоровяка. С ним весь город в руках без особой заботы держать было можно. А что теперь? Ты думаешь, война голове интересна? Да он ждет ее. У него за месяц до тебя послы Эрсет были. Или ты не заметил, что у него глазки бегали?

– Так он торгаш? – прищурился Игнис.

– Продал он свой город, – вздохнул Нуллус. – С потрохами. Считай, что он на их стороне. Я даже скажу тебе, что новые его покровители оставили здесь соглядатаев своих. И не только здесь, поверь мне. Они-то как раз и займутся теперь тобой.

– Ничего, – напрягся Игнис. – И не из таких сетей выбирались.

– А вот это и есть то самое главное, что я должен тебе сказать, – понизив голос, оглянулся, окинул полупустой трактир взглядом Нуллус. – Я, конечно, понимаю, принц, что ты бережешься, но, когда берегаешься, не о том думаешь. Я же знаю, что тебя мучит.

– И что же? – быстро взглянул на замершую Ирис Игнис.

– Первое и главное, как бы не потерять девчонку свою, – сказал Нуллус.

– Да, – кивнул Игнис и положил ладонь на руку подруги, с лица которой словно тень сползла. – Ну так и она о том же думает.

– Заметно, – рассмеялся Нуллус. – Иначе тебя бы уже и не было давно. Второе – это сомнения. Твои сомнения в том деле, которое ты на себя взвалил.

– Я должен делать хотя бы что-то, – стиснул зубы Игнис.

– И я преклоняюсь перед твоими стараниями, – стер с лица улыбку коротышка. – Я ведь кое-где по твоим следам проковылял. Но ты забываешь главное. То, что таится у тебя внутри!

– Ты знаешь? – прошелестел Игнис.

– Знаю, – одними губами ответил Нуллус.

– И что же теперь? – расправил плечи Игнис.

– Ты прячешь это хорошо, – сказал Нуллус. – Я знаю, но не чувствую. Но ты никогда не задумывался о том, почему это в тебе?

– Я только об этом и думал, – процедил сквозь стиснутые зубы Игнис. – Дни, месяцы, годы!

– Ну, – развел руками Нуллус, – я бы на твоём месте думал прежде всего о великом счастье, что делит с тобой дорогу. Да и ты, уверен, не забываешь о нём. О ней, конечно, что это я? Но если к тайне твоей вернуться... Ты ведь решил, что это проклятие? Я о камне, как ты понимаешь.

– Да, – кивнул Игнис, сплетая пальцы с пальцами Ирис.

– Это не проклятие и не благоволение, – прошептал Нуллус. – Это, мой дорогой, судьба. Так вот что я тебе должен сказать. Прячь это, но не отгораживайся от этого. Пользуйся им. Изучай его. Если почувствуешь злобу в этом – выбели ее. Почувствуешь нехватку любви – восполни. А то ведь получится как с мечом императора, который король Ардууса Пурус не выпускает из рук, даже, говорят, спит с ним. Но что толку с того меча?

– Почему я должен тебе верить? – побледневшими губами прошептал Игнис.

– Есть один человек, которого ты считаешь мертвым, – ответил Нуллус. – Но он жив. Он знает о твоих стараниях и благодарен тебе за них. Он попросил меня переговорить с тобой и уберечь тебя в Иевусе.

– Как его имя? – напрягся Игнис.

– Син, – вымолвил Нуллус.

– Так ты... – расширил глаза Игнис.

– Ни слова! – повысил голос Нуллус. – Мое имя Нуллус. Теперь говорить буду коротко, у нас мало времени. Я занимался тем же, чем и ты. Жаль только последний год, до того времени мне и ходить было особо нечем. Так вот, с рефаимами все улажено. Думаю, что две сотни воинов с их стороны будет. Ты занимайся тем, чем занимался. Но береги себя. Идти нужно прежде всего в Тимор, это самое доброе место на сегодняшний день. Но там нужно быть осторожнее, чем где бы то ни было. Королева Армила убита.

– Убита? – едва не вскочил на ноги Игнис.

– Да, – кивнул Нуллус. – На днях. Через недолгое время после того, как отвергла предложение Пуруса Арундо о замужестве. Можно сказать, только что. И ее сын, Адамас Валор, собирается чтить ее память по большому обряду. Месяц ее тело будет лежать в галерее тиморского замка, пока все его жители не простятся со своей королевой. Так что тебе нужно будет поспешить. Следует почтить королеву и заодно слегка охладить ненависть ее сына к королю Ардууса. Судьба его королевства важнее его мести. Пока важнее. Хотя, если правда, что король Ардууса замешан и в смерти отца Адамаса...

– Это все, что я должен знать? – спросил Игнис.

– Почти, – кивнул Нуллус. – Добавлю лишь одно – твоя сестра Камаена жива и занимается примерно тем же самым, что и ты. Не ищи ее. Судьба сама сведет вас.

– Ну хоть какая-то радость, – потер виски Игнис. – Син и Кама. И ты.

– Ты не один, парень, – улыбнулся и бросил взгляд на Ирис Нулус. – Вы не одни. Но все гораздо хуже, чем было полторы тысячи лет назад. Да. Лучезарного на той стороне пока нет.

Но и на нашей стороне нет императора. Не говоря уж об Энки. И мастером тайной стражи у правителя Пуруса служит Русатос.

– Он... – нахмурился Игнис, – какой-то особенный служака?

– Об особенностях его я не знаю, – скривился Нуллус. – Но имя его звучало под сводами Ордена Света. Он верный слуга Эрсет. Это беда, парень.

– Так что же это будет за война, если враг служит королю Ардууса? – процедил сквозь зубы Игнис.

– Страшная война, – ответил Нуллус. – А теперь надо уходить. Где ваши мешки?

– Все всегда с собой. – Игнис кивнул на лежащие на лавке два мешка и теплые плащи.

– Берите их и идите за мной, – бросил, сползая со стула, Нуллус.

Они вышли из зала через конюшню. Лошади, присланные городским головой, стояли возле яслей оседланными. Служка головы сидел тут же, присматривая за ними. Повинуясь кивку Нуллуса, Игнис бросил мальчишке монету и приказал расседлывать лошадей и готовить их к утреннему выходу. Да еще и сбегать к трактирщику, чтобы тот устроил постель для семейной пары.

Мальчишка тут же побежал в трактир, а Нуллус вывел спутников через неприметную дверку и заковылял темными переулками, которые явно знал наизусть. Через полчаса запахнул ворота в неприметном домишке и вывел из них мохноногую лошадку, запряженную в двухколесную, выдавшую виды арбу. На ней лежали горой гнилые корзины и изогнувшиеся от мороза и плесени рогожи. Перед ними на облучке красовались огромные валяные сапоги, торчком стоял овчинный тулуп.

– Забирайтесь, – приподнял одну из рогож Нуллус. – Ноги придется поджать да обняться, но вонь вымерзла, а обниматься вам, я думаю, должно быть в радость. Потерпеть или порадоваться придется недолго. С час. Да, если что, я не мусорщик, считайте, что ярлык да валенки с тулупом, чтобы коротышкой не казаться, занял на пару дней. Но по-другому не выйдет. Ворота в городе открыты только одни. И у них соглядатаи Эрсет будут точно.

Лежать согнувшись и обнявшись пришлось недолго. Арба минут двадцать скрипела по улицам Иевуса, потом еще несколько минут гроыхала по очищенным ото льда камням на главной улице. Еще с минуту Игнис и Ирис прислушивались к ругани стражников на воротах, к смешкам Нуллуса, к странному визгливому гавканью из его же уст, пока, наконец, арба не выкатилась из города.

– Лежите пока, – послышался голос Нуллуса. – Сейчас завернем к югу, думаю, в черной долине они нас догонят. Но не высовывайтесь, мне нужно, чтобы они вплотную подобрались.

– Кто они? – спросил сквозь корзины Игнис.

– Посланники Эрсет, – хмыкнул Нуллус. – Не скажу, что я поступил праведно или как добрый человек, но подразнил их немного. В городе их шестеро, двое стояли на воротах. Всю власть они пока еще не взяли, поэтому при страже разбираться со мной не стали. Если мудры – то и не станут. А уж если не мудры...

В отдалении послышался топот всадников.

– Нуллус? – снова подал голос Игнис.

– Лежите, – услышали они спокойный ответ. – Не мудры. Я так и рассчитывал. Не дергайтесь, иначе они нападут первыми. А первым должен напасть я. Оставьте эту разборку старичку. А ведь хорошее место для разборки. Могильники со всех сторон. Свеи тут, конечно, нагадили, но испортить ничего не успели. Иури верят, что однажды именно здесь боги будут спрашивать за все совершенное с каждого. Мы, конечно, не боги, но спросить тоже можем.

С дороги послышался резкий окрик с приказом остановиться. Кричали по-атерски, но со странным акцентом. Следом послышалась непонятная ругань. Нуллус придержал лошадей,

засмеялся, выбираясь из валенок, забормотал что-то. Игнис почувствовал, что Ирис тянется к луку.

– Нет, – прошептал он. – Поверь мне, этот воин знает, что делает.

– Что он говорит? – прошептала Ирис. – На каком языке?

– На вирском, – ответил Игнис. – Или на старо-атерском. Просит прощения, что не распознал под капюшонами правителей восточных земель. Перепутал их с псами...

– Он с ума сошел? – прошипела Ирис, как вдруг арба затрещала. Тень мелькнула в прогалах корзин, колеса закрипели, треснула доска, что-то упало, раздался посвист клинка, удары, снова падение, и, наконец, послышался недовольный голос Нуллуса.

– Я, конечно, понимаю, что это лучший способ ведения войны – лежачий и в обнимку, но надо бы выбираться, время поджидает.

Игнис сбросил в сторону прикрывающий его и Ирис хлам. Нуллус стоял на снегу, удерживая двух крепких лошадок, и с огорчением рассматривал рассеченный едва ли не до руки рукав теплой куртки. Два тела валялись тут же.

– Ты угадал, – кивнул наклонившемуся к одному из мертвых Игнису Нуллус. – Ну-ка, девочка, придержи лошадок. Это они самые. Второго посмотри. Да. Даку.

Игнис подошел ко второму мертвецу. И у него тоже вместо лица была вытянутая почти волчья, хоть и безволосая, морда. Первый был убит броском ножа, второй ударом меча чуть повыше ключиц.

– Как ты их достал? – удивился Игнис. – Они же были верхом?

– Легко, – буркнул Нуллус. – Прыгнул. Да, представь себе, эти хромые ножки все еще на что-то способны. Если бы арба не оказалась гнилой, то и рукав бы не подпортил. Зато у вас теперь есть две лошади. Только не идите сразу на юг. Возвращайтесь к северу. Через три лиги будет деревенька. Отметьтесь там как-нибудь. Потом к востоку. А уж там, чуть подальше, ищите нехоженных путей в Обстинар и Тимор. И сберегайтесь, неладное творится на их границах. И имейте в виду, на таких, как вы, да еще на угодников, идет охота. И воины этого поганого Ордена Света стараются, и еще, говорят, какие-то чудища со светящимися глазами. В последнем, правда, не уверен. Хотя случилось уже похожее...

– А ты? – спросил Игнис.

– У меня еще есть дела, – скривился в улыбке и растер по лицу секущий кожу снег коротышка. – Надо мусор сжечь. Арбу отдать. Лошадок ваших прибрать. Зря, что ли, я старался? Да и еще четыре таких же воина в городе остались. Нельзя им оставлять Иевус, нельзя. Двигайте, добрый путь. Увидите Сина, передайте привет от коротышки. Он поймет.

– Почему ты сказал, что поступил несправедливо, не как добрый человек? – спросил Игнис.

– Нельзя смеяться ни над телом, ни над лицом, ни над одеждой, – объяснил Нуллус. – И над мордой – тоже нельзя. Я, конечно, намеренно злил дозорных, но, если уж убивать врага, лучше это делать молча.

– Это чужие псы на нашей земле! – заметил Игнис.

– Это люди, парень, – не согласился Нуллус. – Ничем не страшнее меня, кстати. Просто они встали не на ту сторону. Но если бы ты знал, сколько даку будет и на нашей стороне, прикусил бы себе язык по этому поводу навсегда.

Глава третья. Арканум

Лава могла бы крутить головой на окраине безлюдной, заснеженной и заледенелой площади до следующего утра, но накатившая досада не только выдавила из глаз слезы, она стиснула ее виски болью. Девчонка выкрикнула что-то поганое, заскулила, как скулит брошенная хозяином во дворе в мороз собака, выхватила меч и, рассекая ледящийся ветер и заметаемый им снег, уже через несколько секунд рыдала и хлюпала носом, пока не почувствовала мертвую хватку незнакомца.

Он скрутил Лаву мгновенно. Никто из молодых да и из бывалых ардуусских воинов не мог обезоружить отчаянную девчонку, даже тогда, когда азарт заставлял их забыть о ее вельможном происхождении, а тут в долю секунды она поняла, что лишилась сразу всех ножей и меча и не может пошевелить ни рукой, ни ногой. К тому же она не могла понять, как он сумел подкрасться к ней вплотную? Зарывав от бессилия, Лава пыталась ударить незнакомца затылком, но и это не принесло ей успеха. Ни на долю секунды она не смогла оторвать свой затылок от подбородка противника.

– Не спеши получить помутнение в голове, – прозвучал за спиной чужой голос. – Я тебя калечить не намерен. Убивать пока тоже. Скрутил, чтобы ты не наделала глупостей.

– А если я закричу? – прошипела Лава.

– Не закричишь, – усмехнулся незнакомец и, удерживая ее одной рукой, неожиданно коснулся мокрого лица платком, вытирая и слезы, и сопли. – Гордая. И сильная, кстати. Я удивлен.

Станным образом его слова почти успокоили Лаву. Она обмякла, но бдительность соперника не притупилась. Он хватку не ослабил.

– Глупостей не будет, – процедила сквозь зубы Лава.

– Сначала скажи, чего хочешь от меня, а я решу, – ответил незнакомец.

– Ты знаешь, кто я? – спросила Лава.

– Да уж невелика загадка, – усмехнулся незнакомец. – Лава Арундо. Племянница сиятельного короля великого Ардууса. Любопытная девчонка, которая преследует незнакомцев, рискуя собственной жизнью.

– Я владею мечом! – прошипела Лава.

– Сейчас он у меня, – заметил незнакомец. – Так что твое умение может остаться неоцененным. Что тебе нужно?

– Дакит, – поморщилась Лава. – Дом на Рыбной улице. Я видела тебя там. Это дом Йора. Дакит Йор нужен мне. Я уже несколько лет ищу встречи с ним!

– Зачем? – странно изменился голос незнакомца.

– Нужен! – едва не закричала Лава. Метель усиливалась, тьма сгущалась, и, как назло, никого не было на обычно многолюдной площади. Нет, пока ее обнимал этот крепкий умелец, холода почти не чувствовалось, но досада была сильнее холода.

– Зачем? – повторил незнакомец.

– Он учил мою сестру Фламму, – наконец проговорила Лава. – Моего брата Лауруса. И я рассчитывала на его уроки. В Ардуусе нет больше воинов, кто мог бы меня чему-то научить!

– В Ардуусе достаточно воинов, с которыми было бы непросто справиться даже Йору, правда, хорошему они не научат, – пробормотал незнакомец и отпустил Лаву.

Она отскочила на шаг, провела руками по поясу, но он уже сам протягивал ей ножи и меч. Лава подхватила клинок, едва не приморозила пальцы, но после короткой заминки сунула меч в ножны. Незнакомец стоял там, где секунды назад держал в руках пленницу. В сгустившейся тьме Лава уже с трудом угадывала его силуэт, фонарь на площади еле светил, да и раскачивался он под порывами ветра в полусотне шагов, скорее сгущая метельный мрак. Но незнаком-

меч, лица которого она разглядеть не могла, казался ей отчего-то знакомым и очень усталым. И вместе с тем Лава понимала, что будь в ее руке даже обнаженный меч, против этого человека у нее нет ни единого шанса.

– Голова болит? – спросил он и в ответ на ее кивок добавил: – Еще бы она не болела.

Когда погода за день меняется несколько раз, и молодых прихватывает. Неумелых и незнающих. Скоро мороз усилится, но облака разбегутся, и станет светло. Полнолуние.

– Кто ты? – только и смогла вымолвить она.

– Зови меня Арканумом, – проговорил он после паузы. – Только не пытайся колдовать на ночное зрение, я наложил отворот.

– Я не слишком сильна в колдовстве, – призналась Лава, чувствуя, что губы и щеки ее немеют. – Если в Ардуусе трудно найти учителя мастера мечей, готового делиться мастерством с девчонкой из дворца, то учителя-колдуна еще труднее. Даже если здесь достаточно колдунов, равных королевскому магу Софусу. Они все таятся. Инквизиция колдунам и вздохнуть не дает. Даже магические башни пусты, ушли маги обратно в Самсум. Почему ты скрылся от меня на днях? Я напугала тебя?

– Не ты, – произнес Арканум. – Те, кто следил за тобой. Мне они показались опасными. Сейчас их нет. Наверное, ты сумела оторваться от слежки.

– От слежки? – Она оглянулась, поежилась, хотя и странно было ежиться от тревоги, застывая на ветру. – Я чувствовала, но так ни разу и не поймала их.

– Не пытайся их поймать, – посоветовал незнакомец из тьмы. – Не знаю, кто они, но я не советовал бы тебе скрещивать с ними меч. Впрочем, они не мечники. Они опаснее. Таких воинов не нанимают для слежки. Их нанимают, чтобы убивать. Пожалуйся отцу. Хотя... Впрочем, это не мое дело. С Йором я тебе тоже не помогу. С ним случилась беда. Уже давно, правда. Йор убит.

– Убит? – растерялась Лава.

– Да. – Арканум кивнул. – Погиб в схватке. Но дом, за которым ты приглядывала и на ворота которого лепила на смолу липовые листы, никогда не принадлежал Йору. Можешь справиться в ратуше. Он записан на друга Йора, Сина. Налог за этот дом выплачен за десять лет вперед, у меня есть ярлык от Сина. Я не нарушаю законов Ардууса.

– Я не писец и не мытарь, – с досадой проговорила Лава. – Мне все равно, нарушаешь ты их или нет. И никакого Сина я не знаю и знать не хочу!

– Это ты зря... – Он тихо рассмеялся. – Многие мечтают о знакомстве с Сином. А те, кто его знает, улыбаются, даже только произнося это имя. Прямо как я сейчас. Хотя у меня с ним связан самый черный день в моей жизни.

Незнакомец замолчал и как будто зашатался под порывами ветра.

– Ты в порядке? – Она приблизилась на шаг, но все равно не смогла разглядеть его лицо.

– Нет. – Он словно очнулся, покачал головой. – Я никогда уже не буду в порядке. Но какое тебе дело до меня? Тебе сейчас следует бежать домой и все рассказать отцу. Не обо мне. А о тех, кто следит за тобой. Твоя беда – это и беда твоих родителей. Так всегда.

Лава уже хотела и в самом деле помчаться к дому, но замялась.

– Знаешь, мне кажется, что я тебя видела раньше.

– У дома Сина пару дней назад, – кивнул он.

– Нет. – Она была почти уверена. – Много раньше.

– Если вспомнишь, – он усмехнулся, – приходи к дому Йора. Я буду рад продолжить знакомство, если оно и в самом деле обнаружится и если прошлое очнется и узнает себя через много лет. Только не долби беспорядочно и долго. Ударь два раза. И все. Я открою. А пока иди домой. Ты замерзла. И будь осторожна. Тебе и в самом деле угрожает опасность.

Сказал, попятился к стене дома, шагнул в непроницаемый мрак, царивший над узкой Свечной улицей, и растворился, растаял, исчез. Лава еще постояла несколько секунд на ветру,

не веря своим глазам, затем списала невозможное на темноту и усталость, а потом побежала, поспешила к дому, мечтая лишь о ведре с теплой водой и кубке горячего питья. И одна мысль стучала у нее в голове до самого дома; а ведь и в самом деле, те секунды, в которые она была стиснута, свернута в кокон сильными руками незнакомца, именно в эти секунды она и чувствовала себя в безопасности и тепле. Впервые за последние несколько лет.

Она была полна тревогой, но не ощущала беды до самого последнего мгновения. Наверное, слишком хотела согреться и не разбудить мать. Ночные скандалы и разговоры – это последнее, на что она готова была согласиться. Или, наоборот, надеялась разбудить ее, броситься к ней на шею и попросить прощения, не произнося ни слова, только хлюпая носом и тычась им в ее мягкую грудь. Метель и в самом деле как будто начинала стихать, но небо оставалось темным, и торопящихся к домашнему теплу горожан Лава так и не встретила. Вдоль стены амфитеатра едва ли не на ощупь она пересекла Вирскую площадь, утопая по колена в снегу, добрела по Мясной улице до Гороховой и потянула на себя дверь черного хода. Так и есть, старик привратник не закрыл ее. Наверное, ждал, что взбалмошная девчонка вернется через минуту, да задремал.

Лава вошла в каморку привратника и в темноте прокралась к следующей двери, раздражаясь, что сапоги липнут к полу. Конечно, старик любил побаловаться с плоской меда и травяным отваром, мог и расплескать одно или другое, но откладывать мытье полов до утра было не в его правилах. Впрочем, если она сама не хочет ночных скандалов, стоит ли их предлагать слугам?

В нижнем зале пламя подрагивало в четырех светильниках. Стража, охраняющая дом воеводы, должна была стоять у главной двери, в конце коридора, а здесь могла оказаться только служанка. Так и есть, на дальнем диване, что стоял у отсвечивающего углями камина, из-под войлочного одеяла торчали ее ноги. Все как всегда. Как же это хорошо – приходиться домой, когда все спят! Лава улыбнулась и медленно двинулась вверх по лестнице. Неладное она почувствовала, почти поднявшись наверх. Подошвы продолжали приставать к ступеням. Сколько же меда надо было разлить, чтобы...

Лава оглянулась и замерла. Даже в полумраке ее следы темнели на белом камне. Она зажмурилась и поднесла пальцы к вискам. Тут же лопнула и поплыла легкая пленка едва приметной магии. Мгновенно запахло смертью. Лава пошатнулась, оперлась о перила, почувствовала, что и рука ее тоже липнет, наклонилась и вдруг поняла, что кровь всюду! В ней отражались угли камина у дивана, на котором лежала служанка. Она тянулась следами из привратничьей и коридора. Она покрывала пятнами перила, как будто кто-то хватался за них, истекая кровью. Она стекала по ступеням вниз...

Медленно, словно оттягивая неизбежное, Лава поднялась еще на одну ступень, потом еще на одну, и еще... И увидела отца. Кастор Арундо лежал перед дверью в комнату дочери. Глаза его были открыты, и в них как будто застыло удивление. Конечно, если Лава не ошибалась, светильник наверху был один, и на лице отца было больше теней, чем ясности, но удивление... Она наклонилась и поняла, что горло отца перерезано едва ли не до позвоночника. И, уже чувствуя, что холод пронизывает ее всю, не тот холод, что донимал на улицах Ардуса, а тот, от которого не избавит даже жарко натопленная печь, она отшатнулась и наступила на меч, зажатый в мертвой руке отца. Вздогнула от звяканья и посмотрела вниз.

Их было двое. Двое широкоплечих мужчин в черном, с коротко остриженными волосами и неразличимыми, стертыми лицами. Они стояли у начала коридора и, поймав ее взгляд, двинулись к лестнице. Они никуда не спешили и ни о чем не собирались ее спрашивать, они шли убивать. Лава очнулась, когда они уже были у лестницы. Подхватила меч отца, бросилась в свою комнату, захлопнула двери, сунула в бронзовые рукояти меч, споткнулась о тело матери, лежавшей ничком, снова вступила в кровь и, уже давась рыданиями и слезами, подхва-

тила с постели расстеленный пелиссон, сунула руки в рукава, сбросила тонкие сапоги и натянула теплые, накинула на шею шарф, сорвала крышку с сундука, выхватила валскую ушанку из лисьего меха, наморщила лоб, вытряхнула из бронзовой вазы кошель серебра и, уже наклонившись к матери и повторяя про себя: «Ударь два раза. И все. Ударь два раза. И все», – вдруг поняла. Их прислал Болус. Или даже его отец. И ее прошлая жизнь кончена. Будет ли другая – неизвестно, но этой жизни не будет точно. Вот так же, наверное, было с Фламмой и Камой. Разве только ее подруги не ждали, когда в их комнату начнут ломать двери.

Лава выпрямилась. Они не ломали дверь. Они ждали. Или ждал один, а другой пошел запирать прочие выходы. Или же вышел... Она наклонилась, коснулась рукой затылка матери, почувствовала липкость, проглотила произнесенное «мама» и заспешила. Вскочила на ноги, вышибла ударом ноги дверь на внешнюю галерею, выскочила в набившийся на нее вал снега, успела удивиться тишине, полной луне, висевшей на черном звездном небе, звенящему в воздухе морозу, перевалилась через мраморное ограждение и свалилась с высоты полутора десятков локтей в наметенный поперек Гороховой улицы сугроб.

– Хоть кто-то на улице, хоть кто-то, – прошептала Лава стекленеющими от холода губами, выбралась из сугроба, метнулась к Мясной улице и встала. Один из черных шел к ней навстречу. Один по совершенно пустой улице. Как смерть. Что это с ней? Еще вчера она с отчаянием бросилась бы вперед с обнаженным мечом, а теперь...

«Вот и все, – мелькнуло в голове, – второй должен появиться с той стороны. Кричать – бесполезно. Никто не выйдет ночью. Стража была только в доме отца, все остальные – торговцы. Да и как кричать? Ведь она гордая? Как он сказал? Ударь два раза. И все. Ударь два раза».

Второй и в самом деле появился у нее за спиной. Лава еще его не видела, только слышала, как он перебирается через сугроб, как ломает ледяные корки, которые она пробила при падении, не почувствовав удара. Наверное, если останется жива, еще подосадует на кровоподтеки. А если не останется, тогда плевать.

Лава сбросила с плеч теплый, слишком теплый пелиссон и потянула из ножен меч. Шесть лет изнуряющих ежедневных упражнений. Неужели все зря? Или она знала об этом дне? Готовилась к нему?

– Не стоит, – тихо произнес один из черных. – Все будет не так. Не волнуйся. Это почти не больно.

Он распахнул плащ, и она увидела зажатый в его руке самострел. Обернулась ко второму и поняла, что такое же оружие есть и у него.

– Ведь ты не позаботилась о доспехах? – спросил второй. – Не хотелось бы портить стрелами такое лицо. Подумай, как ты будешь выглядеть на погребальном костре. К тому же...

Он не договорил. Стрела вошла ему в горло. Убийца захрипел и повалился в снег. Лава в смятении обернулась к первому и увидела Арканума. Тот рассматривал самострел лежавшего в снегу черного. Затем сунул самострел в суму на боку, вытер о труп нож и стал разрезать на нем одежду.

– У нас мало времени, – буркнул он, не поднимая головы. – Но оно пока имеется. Не волнуйся, если у них есть сообщники, а они есть непременно, пока что они нас не видят и не слышат. Возьми второй самострел. Это не мародерство, это наши трофеи. Не гнушайся. Ярлыки, деньги, оружие, золото – все, что найдешь, наше. Забирай. Доспех тоже хорошее дело, но времени у нас мало. Очень мало.

– Наше? – не поняла Лава и, словно в беспамятстве, побрела через снег к трупу. Побрела, еле переставляя ноги, но не потому, что высоким был сугроб и ее саму трясло, как в лихорадке, а потому что вокруг была магия. Незнакомая, но вязкая и непроглядная. Через минуту она

вернулась к Аркануму. Уронила в снег самострел, кошель, пояс с ножами, произнесла чужим голосом: – Ярлыков не было.

– У этого тоже, – буркнул он в ответ.

Черный лежал перед ним в распушенном до пояса и по рукавам котто. Доспеха под одеждой на мускулистом поджаром теле не было.

– Зачем ты раздел его? – спросила Лава, рассматривая рану на груди черного. Удар ножом со спины пронзил черного насквозь. Через сердце.

– Ищу убийц своего ребенка и своей жены, – глухо проговорил Арканум. – Вот.

Он разжал ладонь и показал ей стальной рифленый лепесток, похожий на увеличенную рыбу чешую.

– Это не они. Те, кого я ищу, в таких доспехах. И еще у них взгляд... У них другой взгляд. Это не они.

Она пошатнулась и спросила:

– А кто... эти?

Так, словно кто чужой произносил странные слова ее голосом.

– Эти? – Он отбросил ножом распоротый рукав и показал тавро или шрам на внутренней стороне плеча черного – два кружка, один внутри другого. – Это тоже не слишком веселая песня. Воины Ордена Света. Ты хоть понимаешь, что это значит?

– Нет.

– Это воины оттуда. – Он махнул рукой в сторону Храмовой площади, но Лава поняла, что он имеет в виду что-то, скрывающееся за горами. – Из Эрсет. И если они здесь, то дела совсем плохи. К тому же... Дурные вести пришли в Ардуус этим вечером. Королева Тимора... Армила мертва. Ее убили, даже не позаботившись выдать смерть за несчастный случай или результат тяжелой болезни.

– Я знаю. И мои...

Лава зашаталась и села в сугроб. Он, небритый, усталый, худой, посмотрел ей в глаза.

– Все мертвы?

Она закивала и вдруг завывала со стиснутыми зубами, заскулила, как дворняга с вывалившимися из распоротого брюха потрохами.

– Плачь, – разрешил он ей, вздохнул и стал убирать в суму и ее добычу. – Хорошо, что есть слезы. Очень хорошо. Не думал, что они пойдут на такое. Значит, дела еще хуже, чем могли быть. И у этого города. И у всей Анкиды. Иди сюда.

Он поднял из снега ее пелиссон, одобрительно кивнул тяжести зимнего одеяния и помог ей одеться. Затем проверил завязи, затянул на шее шарф, плотно завязал под подбородком уши шапки, заставил сунуть руки в рукавицы, которые она потеряла в снегу под галереей. И только после этого снова вытер ее лицо платком.

– Держи, – заставил девушку глотнуть из фляжки огненного квача. – Больше не надо. Нам придется пройти до утра лиг десять, не меньше. Не велика дорожка, надеюсь, за стенами Ардууса сугробы разметало ветром, но будет непросто.

– Почему? – Ей стало тепло, но отголоски рыданий все еще заставляли зубы стучать. – Почему мы должны уходить?

– Чтобы выжить. – Он заталкивал трупы в снег. – Ардуус большой город, в нем можно укрыться, но я не для того пришел сюда, чтобы полгода прятаться в укромных закутках. Да и за полгода многое может случиться.

– А я? – Она почти перестала рыдать.

– А ты убила своих родителей, – выпрямился он. – Я знаю, что не убивала. Но завтра на всех площадях возвестят именно об этом. Может быть, не одна, а вместе со мной или еще с кем-то, но убила. Пошли, теплой ночи не обещаю, так что надо шевелиться. В городе оставаться нельзя.

– Как мы выйдем из ворот? – спросила она, всхлипывая.

– Пошли, – повторил он и взял ее за руку. – Эй! Девочка? А ведь час назад ты показала мне силачкой! И давай-ка пойдем твоей дорожкой, вдоль амфитеатра, людишки Ардууса попрятались, но наш друг тень. Я сейчас сниму заклинание, уж больно много сил оно требует. Но нам возле твоего дома быть уже не следует.

«Возле моего дома... – эхом отозвалось в голове у Лавы. – Почему она идет с незнакомцем? Что она о нем знает? Только ли потому, что он кажется достойным человеком? Что же получается, и она, как ее мать, выбирает достоинство вместо любви? Или ей захотелось еще раз испытать тепло и безопасность крепких объятий? Или ей и в самом деле некуда больше идти?»

– Тихо! – Он обернулся, обнял Лаву, притянул к себе, распахнул плащ и ткнул ее залившим слезами лицом в шелковую камизу. – Вытирайся о меня. Нельзя с мокрыми щеками идти по морозу. Впрочем, давай я подниму тебе шарф до глаз. Здоровее будешь. И не трясись. Не обижу.

Они добирались до северных ворот Ардууса почти час. Кое-где даже горожане выбрались на улицы, за полночь принялись скалывать ледяную корку с дверей и ступеней. Зима не лето, лень не прибавляет заботы, а умножает ее. Арканум продолжал держаться подальше от лунного света и порой обходил неудобные улицы за два или три квартала.

– Как мы выйдем? – шептала она через шарф. – Там стража. Ворота закрыты.

– Выйдем, – отвечал он. – Подождем, когда кто-то будет выходить или заходить, и выйдем. Суется королевские дозоры. У всякого короля забот хватает, а у короля-мерзавца их больше всех, потому как он сам одна большая забота.

– Колдовать нельзя, – не унималась Лава, стараясь сдержать слезы. – Уже шесть лет в каждом дозоре всегда есть маг или из Ордена Солнца, или из Ордена Луны. И инквизитор, а это еще хуже. Почувствуют.

– Магия всякой бывает, – шептал в ответ Арканум. – Та, что скрывала часть улицы у твоего дома, для ворот не годится. В пяти шагах или ближе ее и самый последний неуч из магической башни распознает, пусть даже мастера магических орденов убрались из Ардууса. Но есть у нас кое-что, есть.

«У нас», – снова отозвалось в голове Лавы.

– Стой!

Он остановился на перекрестке Северной и Торговой улиц, до ворот оставалось сотни полторы шагов. Возле распахнутых воротин стояло не меньше двух десятков стражников. Фыркали лошади. Поднимался дым от жаровен, на одной из которой пузатый старшина в тулупе поджаривал то ли кролика, то ли утку на вертеле. У его ног крутилась пара дворняг. Тут же прохаживался молодой маг в накинутой поверх гармаша овчине. Сидел на колоде, прикладываясь к фляжке, инквизитор в зеленом балахоне. Болтались на привратном эшафоте четыре висельника. В деревянном корыте лежала гора отрубленных рук и ног, один из стражников отгонял от него еще тройку псов. Ворота были открыты, но решетка перегораживала проход. Стража явно кого-то ждала или кого-то собиралась выпустить.

– Собаки – это плохо, – заметил Арканум. – Я с ними и без магии справлюсь, но подойти и ждать удачного момента – нельзя. Придется рисковать. Иди сюда.

Она шагнула к нему сразу, тут же смутилась, но ничего не успела сказать, потому что мигом оказалась у него на плече, свесившись лицом вниз на его спину.

– Потерпи немного, – прошептал он. – Иначе нельзя, руки у меня должны быть свободны. Хотя бы одна рука. Так. Волчий порошок от собак... Правда, лошади могут понести... Но нам, пешим, это даже на руку. Можно было бы, конечно, оставить какую-нибудь шутиху прямо здесь, но в тайной службе короля Пуруса тоже не дураки служат. Совсем не дураки. Хотя мерзавцы, это точно...

– У тебя даже меча нет, – прошипела Лава, пытаясь передвинуть поудобнее собственный клинок. – И глупо принимать на себя запах волка! Потом во всякой деревне прохода от псов не будет.

– Не ерзай. – Он ощутимо хлопнул ее по мягкому месту. – Ноги вытягивай вниз, сама свешивайся и обхватывай меня под руками со спины. Вместе с плащом. И держись так, как не держалась никогда и ни за кого. И не волнуйся за меня. И меч у меня есть, и порошком я не на себя сыплю.

«Я за себя волнуюсь», – хотела сказать Лава, но прикусила язык. Именно теперь не нужно было ничего говорить.

– Ну, помоги нам Энки! – прошептал Арканум, взметнул что-то перед собой и двинулся по уже утоптанной привратной площади к воротам.

«Сетка! – подумала Лава, ощущая пальцами, опустившуюся на них защиту. – Стальная или... Точно, стальная. Почти невесомая, наверное. Как может она нас защитить? Вроде и вправду никакой магии. Только отчего-то слышно стало все, каждый шаг стражников, каждое покашливание, даже потрескивание углей в жаровнях, повизгивание псов и приближающийся к воротам конский топот. А вдруг этот Арканум – сумасшедший? А вдруг сейчас на воротах...»

– Тссс, – прошепестел чуть слышно ее носильщик и что-то обронил.

Лава подняла голову и разглядела на смешанном с конским навозом и соломой льду небольшой кошель. Отчетливо разглядела, как будто не ночь стояла над Ардуусом, а пасмурный день. Арканум между тем продолжал приближаться к воротам, сторонясь к их правой створе, где у коновязи стояли лошади. И топот лошадей за воротами становился все ближе. И только что скулившие у жаровен псы вдруг залились трусливым лаем, захрипели у потайных беглецов за спиной, но уже далеко за спиной.

– Смотри-ка! – раздался хриплый голос стражника. – Что это они выгавкивают? Никак кошель?

– Где, демон тебя раздери? – отозвался другой. – Точно! Вот ведь...

– Покажи! – подбежал третий.

– Да тут медяки одни! – довольно прохрипел первый.

– Кому медяки, а кому конские яблоки, – зло ответил второй. – Везет же некоторым...

– А ну все в строй! – рявкнул старшина. – Герцог Эбббара со свитой!

Заскрипели стальные колеса, загремели тяжелые цепи. Верно, решетка на воротах пошла вверх. Арканум ускорил шаг, затем вдруг замер, где-то близко, в локте от них, пробежал стражник или маг, так же близко храпели лошади, и собаки продолжали лаять за спиной, но вот уже и конский топот почти оглушал, ворвавшись в тоннель, и Арканум вовсе прижался своим боком и боком Лавы к стене. А потом, когда последний всадник из кавалькады промчался, едва не задев его и Лаву, чуть ли не прыжком выскочил за пределы города.

Загремела решетка за спинами беглецов. Заскрипели створки ворот.

– Ну все, – сказал Арканум через четверть лиги. – Я, конечно, могу тебя нести до утра, но не очень понимаю зачем?

– Ничего. – Она встала на ноги, поняла, что едва не заснула на плече носильщика, оглянулась на тонушую во мгле равнину, на огни на башнях Ардууса и на огоньки в ближней деревне. – Куда теперь?

– Куда скажу, – вздохнул Арканум. – А куда сказать, я пока еще и сам не знаю. Пока идем на север.

– Почему на север? – спросила Лава.

– Потому что там Бэдгалдингир, в котором я могу попытаться что-то разузнать, – признался Арканум. – И на севере Тимор. А Тимор в Анкиде пока что самое безопасное место.

– Безопасное? – не поняла Лава. – А смерть королевы Армиллы?

– А тебе-то что до королевы? – удивился Арканум. – Вон, в Ардуусе твой дядюшка жив-здоров, а мы бежали оттуда, словно воришки.

Он осторожно сматывал и в самом деле сверкающую сталью тонкую сеть.

– Что это? – спросила Лава.

– Не ищи лишней головной боли, – посоветовал Арканум. – Всякое знание, словно камень в заплечном мешке.

– Или как доспех, – не согласилась Лава.

– Можно сказать и так, – хмыкнул Арканум, но до утра больше не проронил ни слова. И даже когда жажда казалась Лаве невыносимой, он догадывался об этом без ее просьб, выуживал из-под плаща фляжку уже не с квачем, а с каким-то пряным травяным отваром и давал глотнуть. За ночь, в течение которой пара миновала четыре деревни, Лава успела раза три поплакать, много раз споткнуться и еще больше раз проклясть свой пелиссон, который путался в ногах. Под утро, когда они проходили через пятую деревню и Лава при виде постоянного двора уже готова была вновь разрыдаться, Арканум опять обманул ее ожидания. Он подхватил спутницу за руку, протащил мимо желанного тепла и отдыха и свернул на узкую стежку, уходящую к утонувшим в снегу избам. В полумраке проводник подтащил Лаву к последней из них, постучал в низкую дверь, переговорил с выглянувшим с лампой косматым хозяином, что-то оставил ему и повлек Лаву к сараю за домом, кивнув в ответ на неясное бормотание:

– Чтоб никакого огня!

– Ты что? – оскорбилась Лава, когда поняла, что огрызок ночи и, возможно, часть дня ей придется провести на сеновале. – Ты думаешь, что я бродяга?

– Пока что да, – твердо проронил Арканум, уминая в кромешной темноте яму в сене. – И я – тоже. Но, как только решу, куда мы идем, сразу же перестану. Стану путником. И ты, если захочешь. Иди сюда. Хочешь ты этого или не хочешь, но, чтобы выспаться и не замерзнуть, нам придется обниматься.

– Можно... – Она судорожно вздохнула. – Можно хотя бы глоток квача?

– Уже нет, – развел руками Арканум. – Квач я отдал за постой.

– У тебя нет денег? – ужаснулась Лава. – Мешка-то заплечного точно нет!

– Ты у меня вместо мешка, – пробурчал Арканум, обнял спутницу и осторожно, бережно опустил в сенную мягкость. – Какой же бродяга платит за ночлег деньгами? Ладно. Научишься. Спи...

Она проснулась от холода. Тепла, которое всю ночь было рядом, не стало. Хотя его плащ укрывал ее сверху.

Он сидел спиной к ней на сене.

– Как звали твою жену? – спросила она.

– Планта, – ответил он.

– А ребенка?

– Никак. – Он говорил чуть слышно. – Он не успел родиться.

Лава замерла. Где-то за перегородкой зашевелилась, замычала корова.

Арканум проговорил, не оборачиваясь:

– Облегчиться – за сарай. Лицо прикрой шарфом, если хозяин выйдет подоить корову, разговор не заводи и не поддерживай. Только балахон свой меховой оставь здесь. И пояс с оружием. Нечего сверкать сталью, у хозяина сердце может разорваться уже оттого, что такая девица у него на постое. Умываться – снегом. О нашей дороге я уже все решил. В Бэдгалдингир не пойдем, если в чем-то не уверен, не стоит искушать судьбу. В Тимор не пойдем, потому что туда надо идти, когда идти больше некуда. Отправляемся в Эбббар. Кажется, этого мне не избежать. И это единственное место в Анкиде, где я не был в последние годы. Так что мы

больше не бродяги. Но с утра в деревне был ардуусский дозор. Значит, нам придется поменять одежду, купить лошадей и мешки, о которых ты так беспокоилась.

Он обернулся.

– Я тебя знаю... – пораженно прошептала она. – Ты Литус Тацит. Пропавший шесть лет назад бастард Флавуса Белуа! Мы разминулись в воротах Ардууса с твоим отцом!

– Зови меня Арканумом, – сказал он после паузы. – Хотя нет. На первое время я буду Филиусом. А ты Сереброй. Женой моей. Ярлыки у меня есть. Настоящие. Не против? К тебе уже сватались?

Глава четвертая. Орс

Старик продержался не десять гребков, а не меньше десяти минут. Глаза его мутнели, в уголках рта вскипали кровавые пузыри, но чем меньше сил оставалось в некогда могучем, а затем скрученном временем теле, тем явственнее проступала на широком, посеченном морщинами лице улыбка. Наконец, когда берег отдалился и мечущиеся по нему гахи утонули в снежной круговерти, старик, который уже несколько минут казался Каме мертвым, тяжело опустился на кормовую скамью, как будто с удивлением прохрипел: «Никогда бы не подумал, что умирать так больно» – и повалился на дно лодки. Из его спины торчало гахское копье и несколько стрел. Такие же стрелы торчали и из кормы лодки, но Кама не могла отвести взгляд от спины старика.

– Я бы не советовал тебе останавливаться, – внезапно услышала она в собственной голове голос и окаменела.

На корме стоял или сидел мурс. Она не могла точно определить положение его тела или того, что могло быть его телом, но явственно различала лицо и линию широких плеч. Лицо было спокойным и сильным. Высокий прямой лоб и твердые скулы как будто уменьшали собственной основательностью внимательные, чуть прикрытые тяжелыми веками глаза. Большой и, кажется, крючковатый нос уравнивался тяжелым подбородком и полными губами. Темные волосы чуть подрагивали от ветра. Но их дрожь не совпадала с вихрями, заметающими снег в холодные воды Аббуту.

Пальцы Камы непроизвольно сжались, сплетая отворот.

– Только этого мне еще не хватало, – скривился мурс. – Оставь свои ведьмины кольца для теней Донасдогама. Лучше продолжай грести. Я не все лодки гахов испортил. У деревни есть еще одна пристань. Конечно, вряд ли они пойдут в такую погоду далеко от берега, но все же...

– Кто ты? – наконец разомкнула губы Кама.

– А ты еще не поняла? – Мурс с сожалением посмотрел на лежащее перед ним тело. – Я Портенум Орс. Или Орс Портенум. Впрочем, теперь уже только Орс.

– Так ты мурс? – прошептала Кама, вновь начиная грести.

– Как тебе сказать? – Мурс скривил губы. – Последнюю тысячу лет я считал себя человеком. Нет, я, конечно, оставался тем, кем был изначально, но по ощущениям... Хотя я потрудился над телом Портенума. Будь он жив, он бы гордился, что его вместилище протопало после его смерти еще тысячу лет. Мне это было непросто устроить.

– Ты... вселился в него? – спросила Кама.

– Тысячу лет назад, – кивнул мурс. – Или около того. Но не думай, что я нашел древнего старика и отнял у него все, что он нарастил на своих костях к семидесяти годам. Если бы я мог поступить так, уж поверь, нашел бы кого-нибудь помоложе и поярче. Думаешь, так весело делить одну крышу с такой красавицей, как ты, и осознавать себя старой развалиной?

– Однако с горки ты сбежал довольно бодро, – заметила Кама.

– Гахи словно выжили из ума, – признался Орс. – Точнее, один из них, а уж потом и прочие. Если бы я был чуть медленнее, ты бы оказалась в опасности. А этого Виз Вيني мне бы не простила, будь я хоть Портенумом, хоть мурсом. В любом случае мне себя винить не в чем. Старик, телом которого я воспользовался, был при смерти, разум, а значит и дух, во всяком случае, его покинул. Я это чувствую, поверь мне. Так что единственную гадость, которую я могу признать за собой относительно этого тела, – так это обиду его родственников. Они собрались проводить старого в объятия Энки, накрыли уже стол, заказали погребальный обряд, позвали храмовников, а старик, то есть я, вдруг открыл глаза и попросил еды. Ты не представляешь, каково это – видеть разочарование в только что наполненных неподдельным горем гла-

зах. Я даже подумал, что сейчас меня придушат подушкой. К счастью, их было слишком много и они не доверяли друг другу.

– Я надеюсь, что ты никого из них не убил? – спросила Кама.

– Какое тебе дело до неизвестных людей? – удивился Орс. – Даже костей не сохранилось от них и от их детей и внуков. Но я отвечу. Я никого не убил. Просто вскорости, едва теперь уже мои ноги и руки стали неплохо слушаться меня, я ушел из того дома. В конце концов, они были для меня чужими людьми. И я в самом деле обманул их ожидания.

– А кто для тебя не чужие люди? – спросила Кама. – Вот эти гахи?

– Гахи? – как будто задумался Орс. – Что ты говоришь? Они ведь вовсе не люди...

– Как будто ты – человек, – прошептала Кама, не разжимая пальцев.

– Лучше бы я был человеком, – так же тихо ответил Орс.

Кама помолчала, затем снова села на весла, но глаз с мглистого силуэта на корме не спускала.

– Грести придется долго, – донеслось до нее. – Лодка хороша, я их делал одну за другой всю последнюю тысячу лет. Всякая сгнивала лет через двадцать, но у меня всегда была готова следующая. И все для одного, чтобы однажды убежать. Уплыть из этой деревни. Я знал, что рано или поздно это придется сделать.

– Куда ты собирался бежать? – спросила Кама. – И разве мурс должен страшиться обычных копий и стрел?

– Мурс должен страшиться другого... – едва шевельнул губами Орс. – Я расскажу тебе... после. А бежать отсюда можно только через развалины Алу. Через Змеиную башню. Надеюсь, что еще можно. Но до Аллу по прямой – более сотни лиг. Лодка хороша, ты сильна. Так, как ты гребешь, ей ходу три дня. Или день, ночь и еще один день. Если не спать.

– Я не буду спать, – ответила Кама.

– Устанешь, – заметил Орс.

– Зато не замерзну, – стиснула зубы Кама.

– Тебе нужно быть сильной, – не согласился Орс. – Впрочем, мы еще поговорим об этом.

Но сначала нужно избавиться от тела Портенума. Поверь мне, ты его уже не обидишь.

– Я не могу, – прошептала Кама.

– Можешь, – спокойно ответил Орс. – Уверю тебя, мертвец – не самое хорошее соседство. Только сначала сними с него пояс с оружием, второй пояс с золотом и серебром тоже сними. И мешок. Он из хорошей кожи, кровь не пропитала его. Там запас еды и еще кое-что. Лишним ничего не будет. Все пригодится, не тебе, так мне.

– Зачем мурсу еда или «еще кое-что»? – спросила Кама.

– Мы поговорим и об этом чуть позже, – ответил Орс. – Я, как ты помнишь, приставлен к тебе Виз Вини. И если уж говорить точно, именно я, а не старик, что служил моим вместилищем.

– Она знала, что ты... – вымолвила Кама.

– Да, – прозвучало у нее в голове. – Я исчезну на несколько минут, чтобы ты чувствовала себя спокойно. Сделай свое дело.

Кама сделала все так, как велел Орс. Стараясь не наступать на густеющую на дне лодки кровь, обламывая стрелы, сдернула с безвольного тяжелого тела мешок, перевернула старика на бок и распустила на его животе ремни. Затем, ухватившись за торчащее в спине копьё, перевернула старика в черную воду. Он погрузился полностью, затем всплыл, обратившись в островок еще недавно живой плоти, отмеченный поганым древком. Едва не зачерпнувшая бортом воду лодка, покачавшись, выправилась. Кама вернулась на скамью, пошарила под ней, нашла свернутую в узел сеть и бросила в лужу крови.

«Выкину, как только впитает в себя», – пронеслось у нее в голове. Кама оглянулась. Едва различимый ветер продолжал закручивать снежные вихри, даль тонула во мгле, хотя солнце

должно было уже подниматься над Сухотой. Кама вспомнила, как была она поражена, когда почти шесть лет назад Виз Вини привела ее и Эсоксу в башню ордена в Эссуту и с высоты Кама разглядела странный лес, начинающийся на краю руин. Сухота оказалась не только безжизненной равниной, но и обиталищем чужой жизни. Той жизни, о которой девушка думала, что оставила ее за спиной в подземельях Донасдогама навсегда.

Нет, спать ей точно не придется. Мороза еще не было, но, если он стукнется да прихватит пока что спокойную воду ледком, до Алу она точно не доберется. Конечно, можно было забрать к северу и пристать к берегу, но куда она пойдет после? До Бэдгалдингира почти тысяча лиг Сухоты. А в Дакките ей делать нечего. Вряд ли там забыли, кого обвинили в убийстве короля и королевы. А куда она пойдет из Алу? И почему через Змеиную башню?

Размышляя так, Кама скрутила тяжелый суконный пояс с драгоценной начинкой, убрала его в свой мешок, прихватила сверху скрученный же пояс с оружием Портенума, его не такой уж тяжелый мешок. Вгляделась в обычный короткий меч, кинжалы, ножи. Зачем мурсу оружие?

– Спрашивай, – снова раздалось в голове, когда Кама уже опять сидела на скамье, отталкивала веслами темную воду и, согреваясь, думала о том, что, если и ударит мороз, не успеет схватиться озеро. Не успеет. Главное, чтобы ветер не усилился. Насмотрелась она из окон ордена на бури на озере, ничего в них нет хорошего. Правда, месяц бурь уже минул...

– Спрашивай.

Она вздрогнула, но грести не перестала. Орс сидел на прежнем месте.

– Что спрашивать? – не поняла она.

– Все, – пожал он едва различимыми плечами. – Я не Виз Вини, расскажу все, что смогу. Тебе можно. И тебе это нужно. Я знаю. Конечно, если ты можешь спрашивать, не выпуская из рук весел. Ты хорошо гребешь. Ты сильная, даже странно – сила в таком чудесном теле... Но можешь не волноваться. Сухота – не лучшее место для жизни, но долина Иккибу, пока она не стала Сухотой, была благословенным краем. Даже морозы тут начинались на неделю-две позже. Мы успеем.

– Куда? – не поняла Кама.

– Успеем выбраться, – неопределенно ответил Орс. – Спрашивай.

– Как ты говоришь? – невольно вымолвила Кама. – Тебе же... нечем говорить?

– Хорошо, – рассмеялся Орс. – Мне редко приходилось общаться с кем-то в этом облике, но первый вопрос всегда такой. Или еще о том, зачем мурсу лицо? И вообще, что такое мурс?

– Что такое мурс? – спросила Кама.

– Нелюдь, – ответил Орс. – Не человек. Или, как еще говорят порой, нечисть.

– Нечисть – это о чем-то поганом, – не согласилась Кама.

– Ну, не думаю, что ты уже воспылала ко мне симпатией, – усмехнулся Орс. – Но тут я тебя не обрадую. Ответить мне тебе особенно нечего. Мурс – это дух. Дух есть в каждом. И в тебе, и в гахе, и даже в аксе. Кстати, ты и слышишь меня только потому, что я обращаюсь к твоему духу напрямую. Но твой дух связан с твоим телом. Он его часть и освобождается только тогда, когда телу приходит конец. Но никто из смертных не становится после смерти мурсом. Когда придет время, твой дух отправится к престолу Всевышнего, но где этот престол, где дорога к нему, мне неизвестно. Мурс – чистый дух. Чистый и... слабый.

– Слабый? – не поняла Кама.

– Мурса легко подчинить, – мрачно произнес Орс. – Не человеку, хотя и среди людей много тех, кто обладает силой. Тех, кто способен не только извлекать мум из всего, в чем тот накапливается, но и служить его источником. Я не могу тебе сказать, откуда взялись мурсы, кем они были раньше, кем они будут после, но именно мум, иначе говоря, магическая сила – воздух и пища любого мурса. Тот, кто владеет мумом, может овладеть и мурсом. И если мурсом овладеет зло – и мурс станет злом. А уж облик мурса, его голос – это отзвук чего-то преж-

него. Того, что скрыто во мгле. Кто знает, может быть, когда-то я был человеком с тем самым лицом, которое ты видишь, а может быть, этим лицом меня одарил Создатель, уже лепя мурса из праха сущего или из собственного дыхания. Впрочем, слово мурс – плохое. Оно окрашено страхом и ненавистью, потому что когда-то давно, еще до той страшной войны с Лучезарным, мурсы были источником бедствий. Одаренные своим властителем толикой твердости, они несли болезни и смерть в Анкиду.

– А как же тогда называть мурса? – не поняла Кама.

– Вестник, – произнес Орс. – Посланник, слуга, помощник, хранитель. Так это... задумывалось. Не могу сказать точнее... Прошлое затянуто чернотой. Так что – пока – мурс. Тем более что всякий или почти всякий мурс теперь – опасность.

– Ты нет? – спросила Кама.

– Я нет, – ответил Орс.

– Почему? – спросила Кама.

– Почему ты должна мне верить? – переспросил Орс.

– Нет. – Кама продолжала грести. Снег чуть ослабел. На темном небе в облаках обнаружилось светлое пятно, но берега по-прежнему были неразличимы. – Просто – почему?

– Не хочу, – ответил Орс после долгой паузы. – Мне неведомо мое прошлое, во всяком случае, дальнейшее прошлое, но я не хочу. Я... насмотрелся на разное. Много помню как сквозь туман. Вижу не лучше, чем ты видишь сейчас берега. Но чувствую тяжесть и боль. Почти такую же, как почувствовал телом Портенума, когда стрелы входили в его спину. Не хочу.

– Почему? – повторила вопрос Кама.

– Тебе приходилось переживать что-то такое, чего ты бы не хотела повторить никогда в жизни? – ответил вопросом Орс.

«Никогда в жизни?» – спросила себя Кама и мгновенно вспомнила самое страшное – великана свея, бросающего трезубец в ее мать. Падающих, захлебывающихся кровью Нукса и Нигеллу, Лауса, отца... Слезы наполнили глаза, спазмы перехватили горло.

– Есть, – процедила сквозь зубы Кама. – Но не получится повторить. Никак. Некем.

– Всегда найдется чем наполнить чашу горя, – прошептал Орс. – Даже тогда, когда все его источники кажутся пересохшими.

– Что ты понимаешь об этом? – горько спросила Кама.

Весла продолжали резать воду, пот пробивал тело. Да уж, день, ночь, даже больше она выдержит, но что потом будет с ее телом? Хотя вряд ли у этого мурса есть еще и нюх.

– Ничего, – ответил Орс. – У меня своя боль. Я не могу говорить за других, но тогда...

Он замолчал надолго. Так надолго, что Кама стала всматриваться в его лицо. Веки Орса были закрыты, губы плотно сомкнуты. Наверное, если бы он был человеком, она бы услышала скрип зубов. Скулы его, во всяком случае, подрагивали. Наконец он проговорил, не открывая глаз:

– Я мало помню, что было до битвы при Барагале. Все как в тумане. Но тогда... Тот миг, когда все уже шло к концу, когда Лучезарный стал проваливаться сквозь сущее, крича от ненависти и изрыгая хохот в сторону обращающегося в уголь, терпящего муки Энки, я помню отчетливо. Помню живые факелы под священным холмом. Трупы. Кровь. Магию, разлитую, словно море, магию вокруг. Столько мума, что можно было захлебнуться. Но ужаса еще больше. Помню взлетевшие в небо семь огненных звезд. Помню горящий шнур, словно горящую змею, который рванул на собственной шее Лучезарный. Все это продолжалось один миг. Один долгий-долгий миг. И я очнулся именно тогда. Очнулся и ужаснулся. Тому, что было, тому, что есть, и тому, что будет. Потому что, исторгаясь из этого мира, его губитель продолжал уничтожать его. Исчезая сам, оставлял зерна, которые должны были прорасти и погубить эту землю. И меня в том числе. И я спрятался.

– Спрятался? – не поняла Кама.

– Да, – кивнул Орс. – Такой, как я, может только спрятаться. Нужна или вода, как сейчас вокруг лодки, или человек. Вода там была. Недалеко. Но я не успел бы. Он... Лучезарный забирал с собой почти всех. И аксов, и мурсов. Всех, кого он призвал на землю. Извлек из... бездны. Всех, кто уцелел к этому мгновению битвы. Думаю, что забрал бы и меня, я никогда не входил в число тех его заметных слуг, которых он был готов оставить. А оставил он немногих и лучших. В определенном смысле лучших. Или тех, кто укрылся, как я. И я метнулся в груды тел, отыскал то, в котором еще теплилась жизнь, и вцепился в него. Исторг из него дух умирающего, в секунду овладел полутрупом и пополз прочь.

– А дальше? – спросила Кама.

– Дальше? – задумался Орс. – Бродил по Анкиде, пока не прижился в долине Иккибу. Жил сначала в Кахаке, потом, когда мое долголетие показалось слишком подозрительным, перебрался в Алу. Затем настал черед Эссуту. Там меня заметила Виз Вيني. Она тогда собирала подобных мне. Не я один спрятался таким образом от Лучезарного. Я был у нее не слишком долго. Я смог одарить свое тело долгими годами, но не смог до конца излечить раны. Одна рука у меня не работала, да и хромота имелаась. И Виз Вيني убила меня. Отправила искать тело получше.

– Убила? – омертвела Кама.

– Думаю, что убила, – кивнул Орс. – Устроила схватку. И я не смог уйти от ее удара. И отправился за новым телом.

– И нашел этого старика? – спросила Кама.

– Да, – ответил Орс. – Искал такого, чтобы не заинтересовать Виз Вيني. И не сделать гадостей, ведь я мог отобрать тело и у здорового человека. Ты бы почувствовала сегодня, если бы я успел заняться тобой. Ты должна научиться противостоять мурсу. Их еще немало. Думаешь, просто так правители королевств держат при себе магов и носят обереги? Хотя мурсы теперь стараются быть незаметными. Потому что есть аксы. Такие, как Виз Вيني. Они могут развоплотить надолго. Тогда и тени от тебя не останутся, так, дымок. Пар изо рта. На тысячи лет. Может быть, навсегда. Но я научил бы тебя держаться. Может быть, еще научу.

– Научишь? – перестала грести Кама. – Я уж было подумала, что ты начал урок.

– Начал урок? – замер Орс.

– Там, на берегу, – нахмурилась Кама и стала медленно распускать завязи на одежде, потянула вверх рубаху, показала Орсу впалый живот, на котором багровыми кругами запеклись ведьмины кольца.

– Как он выглядел? – хмуро проговорил Орс. – Он показал лицо? А я-то все никак не мог понять, что с тобой. Как ты догадалась обратить на себя ведьмины кольца? Есть же и более щадящие способы... Почему ты все еще жива? Они должны были выжечь сначала тебя саму, а уж потом мурса!

– Я не знаю, почему я все еще жива, – одернула рубаху и снова взялась за весла Кама. – Но я была уверена, что там, на берегу, это была твоя магия. До тех пор, пока не заставила того мурса назвать свое имя.

– Как ты сумела? – спросил Орс.

– Закляла кровью, – ответила Кама. – Закляла того, кто пролил кровь, этой кровью.

– Ты понимаешь, что теперь этот мурс никогда и близко не подойдет к тебе? – шевельнулись губы Орс.

– Это плохо? – удивилась Кама. – Я вовсе не рвусь общаться с мурсами. С меня и тебя довольно.

– Как его имя? – Орс как будто побледнел.

– Диафанус, – ответила Кама, и Орс начал таять.

Он вновь появился в полдень следующего дня. Кама успела вымотаться до изнеможения, немного поспать, окружив себя насторожью, продрогнуть до костей, проснуться, привести себя в порядок и, определив направление по тающим в утреннем небе звездам, снова взяться за весла. Мурс сооткался на корме лодки, когда по ее носу стали видны не только вершины гор Митуту, но и берег. Похоже, что Орс был измотан.

– Бери чуть к северу, – услышала она голос и уже не вздрогнула. – К Алу надо подходить вдоль берега, лучше пешком, там может быть опасно.

– Там кто-то живет? – спросила она. – Какая там опасность, кроме той, что может выползти из провала Донасдогама? С калбами я справлюсь, но Виз Вини говорила, что они там редки. Только если запах падали разносится ветром. А прочие твари держатся близ караванной тропы вдоль отрогов Хурсану.

– Там никто не живет, – ответил Орс. – Из-за провала Алу самое поганое место в Сухоте. Но опасность там была всегда. Однажды, лет двадцать назад или даже раньше, я ходил туда с Виз Вини. Она сказала, что время пришло. Камни должны вернуться. И мы пошли. Куда им еще возвращаться, как не туда, где они впервые проявили себя после битвы у Бараггала? Мы подошли к Змеиной башне дня через три после нужной даты. Виз Вини очень сильна, но она и очень осторожна. В тот день я впервые увидел, что она может пугаться.

– Что могло ее напугать? – удивилась Кама.

– Мы обнаружили множество трупов, – ответил Орс. – Камни были интересны не только нам. Часть мертвых лежала на костре, изображая крест. Знак некогда существовавшего Ордена Слуг Святого пепла. Виз Вини была бледна, как соль. Я не сразу понял причину ее испуга. Она отогнала калбов, мы поднялись на башню, поняли, что окончательное появление камней отодвигается еще лет на пятнадцать или шестнадцать, вернулись вниз. Виз Вини почти трясло. Я спросил ее напрямую, зачем ей беспокоиться? Если даже забытый уже орден и возродился, с чего ей страшиться его? Это ее ордена все должны страшиться. Она посмотрела на меня, как на придурка, но объяснилась. Сказала, что не боится Ордена Слуг Святого пепла, ибо как бы ни были хороши его воины или воительницы, поскольку раньше в нем были только женщины, все они – лишь орудие в руках их хозяина. Безмозглое и послушное орудие. К тому же их немного. «Тогда отчего ты так испугана?» – посмел я усомниться в ее стойкости. «Я не испугана, – спокойно ответила она мне, – я насторожена. То, что ты видишь – это не работа Ордена Слуг Святого пепла. Это лишь способ напомнить о его существовании, нагнать страху. Но сделал это все очень опасный враг». «Чем же он опасен и кто он?» – спросил я Виз Вини. «Он – акс, – ответила она мне. – Так же, как и я. Но он, скорее всего, самый сильный из всех аксов. Во всяком случае, единственный, кто управляется со своим телом почти так же, как мурс со своим духом. Его имя Рор. И если он дал о себе знать, значит, уже скоро...»

– Что скоро? – не поняла Кама.

– Скоро конец этого мира, – ответил Орс. – Не знаю, пробьется ли в него опять Лучезарный или нет, выживет ли этот мир или весь обратится в Сухоту, но прежней Ки, прежней Анкиды, прежнего Эрсетлатари – не будет. И Рор – это тот, кто со временем может вырасти в нового Лучезарного. Хотя и не он один...

– И что же? – нахмурилась, оглянувшись на приближающийся берег, Кама. – Прошло уже двадцать лет?

– Двадцать лет – это даже не секунда вечности, – пробормотал Орс. – Это ее тень.

– А половина дня и ночи – тень ее тени, – заключила Кама. – Где ты пропал?

– Возвращался к деревне, – ответил Орс. – Я должен был понять. И я понял. Все начинается. Тот мурс, что пытался завладеть тобой, очень силен. Уж не знаю, чем ты его заинтересовала. То, что у тебя в груди, спрятано так надежно, что, даже и забравшись в твоё тело, он не мог почувствовать это, но что-то его привлекло. Может быть, твоя сила?

– Мне еще и силу надо прятать? – удивилась Кама. – О какой силе ты говоришь?

– Ну уж не о той, что позволяет тебе грести второй день и оставаться бодрой, – усмехнулся Орс. – Хотя и она заслуживает внимания. Нет, я не об этом. Мум из тебя струится. Покрывает тебя, словно кокон. Даже я жмурюсь от его света, а мудрый маг увидит в тебе даже не яркий костер, а пылающую звезду, упавшую на эту равнину. Или севшую в эту лодку. Да уж, девочка, камня в тебе не разглядишь, но гореть таким огнем не менее опасно. Великий маг должен напоминать тень. Ты должна овладеть своим светом.

– Как я могу сделать это?! – воскликнула Кама. – Разве рядом со мной есть хоть один маг, который может меня научить?

– Пока нет, – как будто вздохнул Орс. – Но совет дать могу. Не можешь накапливать такую силу, не можешь скрывать ее, запасай ее пока в том, что у тебя есть. В твоём мече, который вроде чист, но напоминает бездонную пропасть. В твоих амулетах, пусть они даже вскоре начнут искриться от силы. Да и в драгоценных камнях, я знаю, они у тебя тоже есть. Не все ты отправила в Анкиду, набив ими серебряный рожок. Ищи, где хранить силу, и найдешь такие хранилища, что и силой всей Ки не наполнить их. А когда все-таки наполнишь, должна научиться сохранять свою силу внутри себя.

– И стану аксом? – усмехнулась Кама.

– Тот, кто силен, уже не задумывается о том, кто он, – ответил Орс. – Вот этот Диафанус так силен, что мог бы соткать из мума даже некоторую твердость, не отнимая у людей их тел. Но теперь он отнял тело у вождя гахов. И, думаю, готовит их к войне. Время пришло, Кама.

– И что же нам делать?

Она перестала грести.

– Убраться отсюда, – ответил Орс. – И чем быстрее, тем лучше. Но Змеиную башню мы не минуем.

Лодка причалила к берегу уже в темноте. Снегопад сменился морозцем, и у скользких камней пришлось проламывать береговой лед. Вдобавок начал усиливаться ветер. Кама с трудом выбралась по камням на глинистый, промороженный склон, обернулась. Орса рядом не было.

– Где ты? – спросила она в темноту.

– Я не могу отойти от воды, – ответил он. – Тот, кто повелевает Диафанусом, может подчинить меня себе.

– Кто он? – спросила Кама.

– Думаю, один из аксов, – ответил Орс.

– Рор?

Кама поморщилась. Морозный ветер сек лицо, хотелось найти укрытие. Да и спина гудела после двух дней гребли. Если бы не бесконечные упражнения в башне ордена, сейчас бы она не стояла, а ползла по камням.

– Не уверен, – донеслось до нее, – кто-то другой. Я всех не знаю. Я и Рора не знаю.

– И что мне делать? – спросила Кама. – Как выбираться отсюда? Я выберусь без тебя?

– Не думаю, – ответил Орс. – Но ты можешь меня спрятать.

– Спрятать? – не поняла Кама. – Это как же?

– Внутри себя, – ответил Орс. – Не бойся, я не буду захватывать твоё тело. К тому же, если это не удалось Диафанусу, куда уж мне. Но только так я смогу оставаться рядом с тобой.

– Давно ты это знал? – спросила Кама, скрипя зубами и поднимая воротник куртки.

– С того момента, как перестал быть Портенумом, – услышала она в ответ. – У тебя есть еще сомнения относительно меня?

– У меня есть стойкое нежелание давать тебе кров таким образом, – поморщилась Кама. – Подожди. Я многое еще хочу у тебя узнать, но мне нужна ясность. Ясность относительно тебя самого.

– Отвечу на любой вопрос, – услышала она.

– Виз Вини убила тебя, лишила тебя прежнего тела, – проговорила Кама. – Чтобы не привлечь ее, ты выбрал тело старика. И вот ты опять рядом с нею. Живешь или жил долгие годы, да куда там, тысячу лет рядом с ее башней. Ходил с нею в Алу. Даже обратился угодником гахов. Неудачным, правда, ну да ладно. И она не убила тебя. Почему? И почему ты не скрылся от нее, не забился в какой-нибудь дальний угол?

– От нее не скроешься, – ответил Орс. – Хотя я и пытался. Но не стоит преувеличивать мое значение для Виз Вини. Поверь мне, она цинична, высокомерна, жестока, но она не зла.

– Почти убедил, – засмеялась Кама. – Да, особого зла за почти шесть лет общения с нею я не заметила. Но и доброты тоже.

– Не из улыбок рождается доброта, а из дел, – ответил Орс. – Она ведь спасла вас с Эсоксой, не так ли?

– Так, – кивнула Кама.

– А меня спас один старик, – продолжил рассказ Орс. – Зоркий старик. Он сразу разглядел во мне, старом Портенуме, мурса. И ты знаешь, это его не испугало. Тем более что мне казалось уже тогда, тысячу лет назад, что он никак не моложе меня. Он пригласил меня быть его спутником. Причем в самые тяжелые годы. Когда Сухота только начиналась. Если бы ты знала, сколько тварей мы с ним порубили, огибая озеро Аббуту. Он сделал из меня угодника, девочка. Никудышного, как ты заметила. Но угодники редко получают великими. Тем более с кем мне пришлось возиться? Это же гахи. Кстати, землянка, в которой ты прожила два месяца, когда-то была неплохим домишком, который этот старик и построил. Это время погрузило старую лачугу в землю на три локтя, когда-то я сидел на ее пороге ногами наружу, и мне грезился дом на холме. Виз Вини еще смеялась, говорила, хорошо, что на твердом месте мой предшественник дом поставил, а то бы уже с коньком крыши в землю ушло это строение. Тот старик и Виз Вини со мной примирил, сходил к ней и сказал, что теперь Портенум-Орс принадлежит не Ордену Смирения Великого Творца, а ордену бродяг и лекарей. И она согласилась. Он умел быть убедительным.

– Когда он умер? – спросила Кама.

– Умер, – удивился Орс. – Не думаю, что он умер. Он, конечно, не мурс и, как мне кажется, не акс, но долголетия ему не занимать.

– Как его зовут? – спросила Кама.

– Син, – ответил Орс.

– Ладно, – проронила она после паузы. – Но если ты вдруг начнешь читать мои мысли...

– Не имею такой привычки, – усмехнулся Орс и добавил: – И такого умения. Настроение твое буду чувствовать, но и только.

– И чтобы не болтать попусту! – процедила сквозь сжатые губы Кама. – Давай, что ли? Надеюсь, ты почувствуешь, как мне холодно.

– Для этого тебе придется подпустить меня ближе, чем я рассчитывал, – изобразил смех Орс.

Глава пятая. Обстинар

Они почти срослись за шесть лет. Игнис и Ирис. Ирис и Игнис. Могли по несколько дней не перекидываться друг с другом словом, потому что понимали друг друга без слов. Достаточно было прикосновения. Игнис любил взять жену за руку, Ирис – прижаться лбом к плечу мужа. Конечно, оказываясь в уединении, они не ограничивались этими прикосновениями, но, если вдруг кто-то из них заговаривал со своим спутником в дороге, это значило многое. В этот раз заговорила Ирис. Она поравнялась с Игнисом, сдвинула с лица шарф и произнесла:

– А если я никогда не смогу иметь детей?

Морозец выбеливал дыхание, слегка прихватывал щеки, одевал инеем гривы лошадей, покрывал игольчатым кружевом придорожные рощи. Дорога тянулась через холмы, минуя разрушенные замки и сожженные города. Немногочисленные валские деревни лежали в стороне от тракта, ведущего в герцогство Обстинар. И шести лет не хватило, чтобы пришла в себя Вала. Хотя Шуманзу, как слышал Игнис, валские князья отстраивали. Но не на прежнем месте, а выше по течению реки. Как раз там, где шесть лет назад подневольные рефаимы устраивали запруды, погубившую город. Сейчас пара держала путь в стороне от недавних руин, двигалась на юг вдоль отрогов Хурсану.

– И что тогда? – не понял Игнис. – Мы уже говорили об этом. Если мы выживем, то лучшие лекари займутся тобой. Если не смогут нам помочь, тогда мы возьмем сироту. Обычного мальчишку или девчонку. Или нескольких. И докажем, что дело не в знатности рода, а в стойкости духа. Воспитаем настоящих воинов и воительниц!

– Мне уже двадцать шесть, – напомнила Ирис. – Я не хочу ждать.

– Да что с тобой? – удивился Игнис. – Хорошо, я начну разыскивать лекаря уже в Обстинаре. Монет у нас достаточно. Что случилось? Или опасность стала слишком отчетливой?

– Она никогда не была неразличимой, – ответила Ирис. – Помнишь, что случилось, когда мы покинули Иевус? На третий день? Ранним утром. Мы оба почувствовали что-то страшное. Как будто где-то на юго-востоке произошло что-то ужасное. Сердце едва не разорвалось! Я боюсь, Игнис. За себя, за тебя, за нас. Я хочу ребенка. Нашего ребенка. Поперек всех опасностей. Даже поперек войны.

– Подожди. – Игнис нахмурился. – Я тоже почувствовал беду. Но пока эта беда случилась не с нами. Или не добралась до нас. Мы ничего не знаем о ней. И я тоже хочу ребенка. И буду всегда его хотеть. Нашего ребенка. И ты знаешь об этом. Что расстроило тебя именно теперь?

– Регина Нимис, – после долгой паузы наконец произнесла Ирис. – Ты чуть ли не каждую ночь бормотал ее имя. В наш первый год.

– Регина Валор, – улыбнулся Игнис. – Теперь уже Регина Валор. Герцогиня Тимора. Достойная жена достойнейшего Адамаса Валора. Которая, кстати, год назад родила ему дочь. Дочку назвали Аския. Они счастливы, Ирис. Почти так же, как мы.

– И ничего не дрогнет в тебе, когда ты увидишь ее в Тиморе? – спросила Ирис.

– Дрогнет? – удивился Игнис. – Трудно сказать. Если только память о моем прошлом, о моей семье обожжет меня в тот же миг. Во всяком случае, я не вспоминал Регину в последние годы. Да и раньше, когда был увлечен ею, у меня не было причин сходить по ней с ума. Ведь я, считай, даже толком не поговорил с нею ни разу. Не прикоснулся к ней даже пальцем. Ты ревнуешь? Неужели ревнуешь?

Он приблизился к спутнице, обнял ее и на ходу поцеловал Ирис в губы. И почувствовал ее слезы на языке.

– Это все? – спросил он, не отстраняясь.

– Опасность. – Она прошептала чуть слышно.

– Когда ее не было? – спросил Игнис.

- Такой ощутимой она не была никогда, – ответила Ирис.
- Значит, будем еще осторожнее, – пообещал жене Игнис.

Шесть лет назад, когда он и Ирис вышли из пределов Светлой Пустоши, как будто ничего не изменилось ни в нем, ни в ней. Разве только незаметно для самих себя они стали если не одним целым, то уж сроднились ближе, чем сроднились бы, если бы вышли из одного лона и провели каждый прожитый день рядом друг с другом. Ирис не стала хуже выпускать стрелы, ее рука не потеряла твердости, но кроме твердости в руках появилось что-то и в ее глазах. Не твердость. Тревога. И когда Игнис спросил о причинах ее беспокойства, она ответила не сразу. Долго молчала. Молчала, когда устраивала вместе со спутником лошадей на неприметном, окраинном постоялом дворе Эбаббара, молчала, когда сидела за столом, молчала, когда стелила постель в снятой комнатухе на втором этаже. Потом наконец произнесла:

– Странное ощущение. Чувство, которого я никогда не испытывала. Словно котел с водой повешен над очагом, и я вижу, как пузырьки отрываются от его стен. Вода вот-вот закипит. Что-то откроется. Начнется. Случится. Неизвестно, что. Но случится. Я уверена.

Игнис выслушал Ирис, сдвинув брови, но не позволил себе даже тени улыбки. Тут же начал затягивать распушенную завязь на рубахе.

– Ты что? – не поняла Ирис.

– Сколько раз ты спасала меня там? – Он мотнул головой в сторону Светлой Пустоши, которая лежала всего лишь в десятках лиг от окраины Эбаббара. – Или ты думаешь, что осторожность, опаску и внимательность можно снять с себя, как снимают одежду? Не думаю, что мы можем позволить себе такую роскошь. Одну ночь можно поспать и одетым.

Опасения Ирис оправдались в полночь. За дверью раздались тихие шаги, затем в дверной щели блеснуло лезвие узкого ножа. Звякнул накидной крючок, и дверь открылась. С минуту неизвестные выжидали, затем из коридорной тьмы в темноту комнаты ввалились черные тени и поспешили пронзить ножами прикрытые одеялами тюфяки. Только после этого из дальнего угла комнаты полетели стрелы.

– И что же мы теперь будем делать? – не сдержала слез Ирис, когда Игнис зажег лампу и обнаружил, что среди нападавших были и хозяин постоялого двора, и его сын, и двое дюжих работников.

– Ничего, – сумел улыбнуться Игнис, бросая на пол одеяло, чтобы кровь не просочилась сквозь доски в зал. – Кажется, у этого трактирщика были собственные представления о гостеприимстве. К его несчастью, они не совпали с нашими. Поэтому делать мы ничего не будем. К сожалению, спать этой ночью нам тоже не придется. Но все, кто нас видел в этом постоялом дворе – все здесь. И наших имен в книге этого заведения нет.

– У них и книги-то нет, – вытерла слезы Ирис. – Нам следует бежать?

– Ни в коем случае, – затанул Игнис горловину мешка. – Но возблагодарить богов за твой дар – обязательно. Ничего, улицы Эбаббара темны. Доберемся до пристани, и утром поселимся в одной из гостиниц на той стороне города. Мы добропорядочные чекеры, нам нечего бояться. Если и будут искать убийц, то не среди тех, кто только прибыл в город. Задержимся здесь. Нужно навести справки о моих родных.

Они прожили в городе почти два месяца. После того, как надежда отыскать Каму иссякла, Игнис сказал Ирис, чтобы она собиралась в дорогу.

– Куда мы? – спросила она.

– Сначала в храм, что стоит на площади, а потом к пристани. Первой же баркой мы покинем Эбаббар. Куда бы она ни пошла.

– Зачем же нам в храм? – удивилась Ирис. – Возблагодарить богов можно в любом месте. Лучше всего в собственной голове и сердце.

– Хочу присоединить тебя к роду Тотумов, – произнес Игнис. – Храм мне для этого, разумеется, не надобен, но нужный ярлык дадут только там. Надеюсь, ты не будешь очень уж упираться?

Она не упиралась. Ни тогда, ни после, когда оказалось, что судьба уготовила им странствия и опасности. Ни даже тогда, когда Игнис привел ее в те края, в которых она хлебнула горя и в которых однажды утратила способность иметь детей. Как надеялась сама и как надеялся Игнис – на время. И вот теперь, через шесть лет, она была все еще рядом с Игнисом и снова чувствовала, как пузырьки отрываются от стенок котла. Опасность была близка и столь отчетлива, как никогда раньше.

От Иевуса окружным путем с уходом к суровому берегу моря Хал до Обстинара было не менее пятисот лиг. И до Тимора еще больше сотни. Миновав Валу, за полдюжины лиг до границы Обстинара Игнис уверился, что погони за ними не будет, и все-таки в последнем большом валском селе сменил лошадей и одежду. Сбривать бороду и усы он перестал сразу после Иевуса, надеясь, что никто не узнает в крепком воине с проседью в волосах прежнего красавчика принца Лаписа. Во всяком случае, ярлыки с подлинными именами Игниса и Ирис были надежно припрятаны, а если где и приходилось называть собственное имя, годилась старая деревяшка с чекерским именем Асаш. Ирис не нужна была и она. Мало ли подобных семейных пар бродило дорогами Анкиды после свейской войны? Да, с каждым годом все меньше, но пока еще хватало. К тому же, как понял Игнис на последнем постоялом дворе, именно в Тимор таких неприкаянных или несчастных тянуло чаще всего.

– Врать не буду, а многие туда подались, – клевал носом в дубовый стол захмелевший мытарь в том самом валском селе. – Не скажу, что у этого самого Тимора такие уж широкие долины, но каждому находится и кусок земли, и дело по вкусу. Поверь мне, парень. Несмотря на то что и Аббуту стараниями принца Бэдгалдингира поднимается на левом берегу Азу, его жители еще будут кусать локти, что упустили такого наместника, как Адамас.

– А что с королевой Армиллой? – пододвигал стражнику кубок вина Игнис.

– А что с ней? – хлопал глазами мытарь, обнаруживал перед собой очередной кубок и, прежде чем припасть к нему мокрыми губами, недоуменно бормотал: – Что с ней делается? Она ж королева! Да, конечно, вдова, да и годков много, чуть ли не пятьдесят, но, по слухам, красоту пока не растеряла. Ты это... – Стражник припадал к кубку, отхлебывал от него столько, что, казалось, вино сейчас брызнет у него из ушей, и натужно шептал: – О ней разговоров лучше не разговаривай. Приключилось там что-то. Нехорошее. Умерла она. Сама или не сама – не знаю. Не моих ушей дело. И не твоих. Но никто об этом не говорит. А у всех тиморцев черные шарфы на горле. И у тех, кто в Тимор движется. Только не для тепла те шарфы, висельные они... Так воины говорят. Чужие воины. Ардуусские. Их полно теперь по границам и Обстинара, и Тимора. Их и инквизиции. В Обстинаре кровь, в Тиморе пока нет, а в Обстинаре кровь. И воины по границам. Чужаки. Одно не пойму, то ли они ждут кого-то оттуда, то ли пускать туда никого не велено. И ужас. Стылый ужас. Огонь. Такой, что легче обделаться, чем устоять. Тройной ужас...

Речь стражника становилась совсем уж неразборчивой, но Игнис его уже не слушал. Поднялся и вышел вон. Ирис, которая сидела в дальнем углу трактира, догнала его через полминуты.

– Что там? – спросил Игнис, разглядев в полумраке тревогу на лице жены.

– Плохо, – коротко бросила она. – За тобой следили сразу трое. По виду – атеры. По их повадкам – что-то странное. Тени неприметные. Один выскользнул из трактира за пять секунд до того, как ты на ноги поднялся. Двое выйдут, думаю, только после того, как мы уйдем со двора.

– Об этой опасности ты говорила? – спросил Игнис.

– Нет, – мотнула головой Ирис. – Это пока только неприятность. Та беда все ярче и пронзительней, но, когда она случится, не знаю. Но точно знаю, что она часть той общей беды, которая как гроза за вершинами гор. Туч еще не видно, но на пиках отблески молний, и гром доносится.

– Ну, если это еще не та беда, так и сберегаться будем как прежде, – улыбнулся Игнис. – Вошли в село со стороны Обстинара? Уйдем в сторону Валы. Где приметили, там и развернемся. Заодно и посмотрим, кто пойдет за нами. Снег начинается опять. Нам на пользу. Но теплый ночлег пока отодвигается. К моему великому сожалению.

Ирис улыбнулась, обняла мужа, ткнулась губами ему в щеку и прошептала быстро:

– Первый за углом конюшни. Но без самострела или лука. Соглядатай.

– Вижу, – ответил Игнис. – И все-таки, пока я не буду уверен в нашей безопасности, кольчужницу снять не позволю.

– Я тебе тоже, – толкнула в плечо мужа Ирис.

Они покинули село уже в темноте и ушли в ту сторону, откуда на самом деле и прибыли. Уловка была привычной. Через три лиги, жмурясь от налетающей круговерти, Игнис подал лошадь к залепленному снегом ивняку. Ждать пришлось недолго. Через несколько минут в сторону Шуманзы промчались несколько всадников.

– Не трое, – прошептала, наклонившись к Игнису, Ирис. – Никак не меньше десятка.

– Значит, убивать, – задумался Игнис. – И вряд ли это посланцы Эрсет.

– Ардуусцы, – кивнула Ирис.

– Чтобы не впускать никого в Обстинар или никого не выпускать оттуда? – задумался Игнис. – Доходили слухи, что король великого Ардууса сошел с ума, но если безумие охватывает его подданных... Поспешим...

– Стой, – прошелестела, схватила его за руку Ирис. – Стой.

Сквозь свист ветра вновь послышался стук копыт. Ирис задрожала. Лошади и под Игнисом, и под всадницей задрожали тоже. Даже сам Игнис почувствовал дрожь в руках. Их было трое. Игнис не мог разглядеть ничего, но был уверен, что по дороге двигались три черные конные тени. Они остановились точно напротив укрытия. Замерли. И, наверное, повернулись в сторону затаившихся, потому что внезапно Игнис разглядел вспыхнувшие тусклым пламенем шесть глазниц.

– Энки всеблагой, – выдохнул сквозь сведенные судорогой ужаса губы Игнис и, не понимая, что он делает, потянулся к торчащей за плечом деревяшке. Пальцы нащупали рукоять, сдвинули холстину, коснулись тонкой, как будто молодой коры и стиснули ее изо всех сил. И ветер стих, огни глазниц погасли, а стук копыт страшной троицы продолжился, удаляясь прочь.

– Что ты сделал? – выдохнула Ирис.

– Я рассказывал тебе, – прошептал Игнис. – Помнишь? Это Бетула. Мой меч и твои луки со стрелами – ее дар. Они нам помогли выбраться из Светлой Пустоши. К ней ты меня не ревнуешь?

– Разве можно ревновать к богам? – прижалась к мужу Ирис.

Они пересекли границу Обстинара уже в полночь. Миновали заснеженное поле, выбрались на тракт через пару лиг после мытарских и дозорных постов, ушли в предгорья и уже ближе к полудню въехали в большое валское село. Не менее сотни домов, желтеющих свежими срубам, тремя улицами сходились к сельской площади, на которой под мытарской башней толпился народ.

– Зеленые балахоны, – процедил сквозь зубы Игнис. – Инквизиция.

– Может быть, не стоит вмешиваться? – напряглась Ирис.

– Это причина твоего беспокойства? – обернулся к жене Игнис.

– Нет, – замотала головой Ирис.

– Тогда забирай правее, та улочка выше прочих, – показал Игнис на южный край площади. – Разберемся. Я вижу, тут десяток стражников да пять балахонников. Не стоит беспокоиться. К тому же в Обстинаре и Тиморе инквизиция запрещена, так что мы в любом случае на стороне местной власти. Да и тошно что-то внутри от всего этого.

– Тошно? – не поняла Ирис.

– Тошно будет, если проедем мимо.

Селян на площади оказалось не меньше тысячи человек, большинство из них составляли женщины и дети. Десяток стражников с обнаженными мечами мотались вокруг толпы, еще двое секли на наскоро сооруженном помосте прихваченных к лавкам шестерых мужчин. Секли в кровь. Рядом стояли шестеро храмовников. Пятеро в зеленых балахонах. Один в сером. Над их головами в петле болталась истерзанная в кровь старуха. Еще две петли пока были свободны. Но под ними босыми ногами в снегу стояла молодая женщина и девочка лет двенадцати. Одежда на них была разодрана, и, судя по облику повешенной, несчастным предстояло пройти еще и через пытки. Над толпой стоял стон. Игнис приподнялся в стременах и разглядел между лавками окровавленные тела. Еще трое или четверо мужчин были убиты или избиты до бесчувствия. Стражники, окружающие толпу, заметили незнакомца и подали в его сторону лошадей. Кое-кто стал оборачиваться и в толпе. Даже девочка вдруг ухватила молодую женщину за руку и, переступая по снегу босыми ногами, ткнула пальцем в его сторону.

– Почтенные! – крикнул Игнис. Крикнул так громко, что вся толпа повернулась в его сторону, стражники придержали лошадей, а стражники с плетями в руках замерли, стирая кровь с рук.

– Почтенные! – еще громче крикнул Игнис. – Что это за представление вы устроили? Разве в пределах Обстинара разрешена инквизиция?

– А ты кто такой? – скинул с головы серый капюшон один из храмовников, и Игнис увидел гладковыбритый череп, впалые щеки и безумный, пустой взгляд. – Мы посланники герцога Обстинара! Его волей мы вершим суд над мерзкими колдунами.

– Ложь, – крикнул в ответ Игнис. – Знак Обстинара – алый барс на голубом фоне, а на поясах твоих стражников знак Ардууса – белый калб на алом фоне. Но даже нацепи вы на свои пояса любые знаки, повторяю – инквизиция запрещена в Обстинаре и Тиморе. Здесь действует только суд местных правителей.

– И Обстинар, и Тимор – части великого Ардууса, – повысил голос храмовник. – И подчинены воле короля Пуруса Арундо. И я, служитель Единого Храма Энки, несу волю Пуруса Арундо, а также Предстоятеля Единого Храма и Инквизиции Энки Энимала во все пределы Ардууса!

– Будь оно даже так, – Игнис положил руку на рукоять меча, – отчего ты нарушаешь правила? Или ты не знаешь их? По суду инквизиции на стороне обвиненных должны свидетельствовать староста деревни или ее стражи. Где служитель Энки? Молельную избу я вижу, а его нет? Я уж не говорю, что приговоренные к казни могут быть казнены только распоряжением герцога. Кто позволил сечь женщину перед повешением? Где наряд на телесные наказания от правителя Обстинара? Есть он? С печатью герцога Аэса Кертуса? Я могу его увидеть?

– Можешь, – засмеялся храмовник. – Иди сюда. Заодно я познакомлю тебя и со старостой деревни, и со стражами, и даже со служителем Энки, который позволил старухе врачевать без разрешения Единого Храма. Исцелять без благословения. Заговаривать без выкупа храмового ярлыка. Иди сюда, они все здесь, кое-кто еще даже в состоянии связать пару слов. Сейчас я освобожу место для тебя на одной из скамей, и ты переговоришь с любым из них. Хочешь?

– Давай поступим иначе, – предложил Игнис. – За то, что вы тут натворили, за повешение лекарки, подобные которой есть в каждой деревне, за истязания, за все это я убью только тебя и твоих зеленых служек. Ну и вот этих двух старательных стражей, что калечат людей плетью. А стражникам предоставлю возможность убраться домой. Они ведь воины подневольные. Но и подневольные вправе остановиться, если их хозяева творят что-то неуютное Энки, святым именем которого прикрывают свои мерзости.

– Или? – вытаращил глаза храмовник.

– Или убью всех вас, – закончил Игнис.

– Выбор неполон, – покачал головой храмовник и вдруг истошно заорал: – Взять его! Убить! Порезать на куски!

В первую очередь всегда следовало убивать того, кто служит источником мерзости. Ирис знала это точно. Опасность живет в каждом враге, но многократно опаснее тот, кто восполняет эту опасность собственной волей. Поэтому первая же стрела Ирис пронзила голову храмовника в сером балахоне – от уха до уха. К тому времени Игнис успел сразить половину напавших на него стражников, и, хотя мог оставить в живых одного или двоих, оказалось, что и тут Ирис опередила его. Она не могла выпускать стрелы в храмовников, люди невольно прикрыли их. Увидев, что незнакомец легко срубил первых стражников, толпа бросилась на оторопевших балахонников и растерзала их вместе с двумя стражами с плетками в руках. Игнис спрыгнул с лошади, передал ее подъехавшей Ирис, пошел через толпу к помосту. Толпа расступалась при его приближении. На досках лежали убитые храмовники, стражники, трое замученных мужчин. Остальные, покрытые кровью, с трудом натягивали на истерзанные тела одежду. Кто-то уже кутал в теплое и женщину с ее, как понял Игнис, дочерью.

– Я староста, – закашлялся кровью один из истерзанных. – Спасибо тебе, добрый человек. Накатила ведь на нас эта напасть, как гроза ясным днем. И мужчин в деревне мало, почти все теперь у герцога, как только урожай убрали, так и ушли. Война, говорят, скоро. Вот мы и... готовимся. – Он сокрушенно развел руками, снова закашлялся. – А служитель Энки у нас был хороший. Вот он лежит, первым убили. Сразу же.

Игнис поднял голову. Юркий мальчишка, забравшийся по бревнам вышки, срезал веревку. Вот лопнуло последнее волокно, тело старухи рухнуло, и тут же и молодая женщина, и ее дочь бросились к несчастной.

– Какая лекарка была! – покачал головой староста. – Скольких от смерти спасла! Скольких вылечила! А уж роды принимала... Считай, что почти все село через ее руки прошло. Хорошо, хоть дочь ее и внучка остались. Вовремя ты появился, добрый человек. Мы, конечно, сразу послали гонца к местному тысячнику, но еще бы немного... Кто ты, добрый человек?

– Странник, – ответил Игнис, поднимаясь на помост.

В отдалении послышался цокот копыт. Игнис пригляделся. На окраине села показался дозор из трех десятков всадников. Над ними реял голубой флаг с алым силуэтом.

– Это не тысячник, – стер кровь с лица староста. – Но ты не думай, парень. Мы тебя в обиду не дадим!

– Спасибо, почтенный, – кивнул ему Игнис. – Но я надеюсь, что твоя защита мне не понадобится.

Он узнал старшего дозора. Им был некогда второй принц Обстинара, а теперь просто брат герцога – как прежде чуть сутулый, но быстрый Тенакс Кертус. Он спрыгнул с лошади на краю площади и точно такой же походкой, которую Игнис помнил еще по турнирам в Ардусе, двинулся к башне. Селяне, расступаясь, кланялись вельможе, и он тоже отвечал им кивками. Таким же кивком Тенакс отметил старосту, скользнул по Игнису как будто равнодушным взглядом, шевельнул ногой труп храмовника, вновь обернулся к старосте:

– Никто не ушел?

– Вроде нет. – Староста покосился на Игниса. – Разве от такого воина уйдешь?

– Трупы сжечь, – приказал Тенакс. – И чтобы ни клочка от балахона, ни пояса, ничего не осталось. Оружие и доспехи собрать и вместе с лошадьми отправить в королевский замок. Семье каждого погибшего выплачу сто монет. Три села эти разбойники испохабили, и тут мы едва не опоздали. И таких дружин выловлено уже с десятков. Так ты жив, принц?

Последние слова были сказаны чуть тише, чем предыдущие. Так, чтобы слышал только Игнис, к которому повернулся Тенакс. Еще молодой, моложе Игниса, но уже посеченный и морщинами, и как будто шрамами. Спокойный, но встревоженный.

– Как видишь, принц, – ответил Игнис.

– Королевство хочешь свое вернуть? – спросил Тенакс.

– Спаси, – твердо сказал Игнис. – И не только свое королевство. Всех нас.

– Ну, тогда я буду молиться за тебя, принц, – позволил улыбке тронуть уголки губ Тенакс.

– И я за тебя, – кивнул Игнис. – Где Аэс?

– В Тиморе, – прищурился Тенакс. – Сейчас все наши там. И не только наши. А я вот тут... разгребаю. Ничего. В каждом селе оставлю дозор и по деревьям пуцу. Справимся. Куда путь держишь?

– Думал, что к Аэсу и Адамасу, а выходит, что на похороны, – прошептал Игнис. – Правда, показываться на глаза всем и каждому я бы не хотел пока.

– Я уже слышал о тебе, – кивнул Тенакс. – Доходят вести. Прими через шесть лет соболезнования.

– И ты, – ответил кивком Игнис.

– Мы тут вроде бы отгородились от безумия Пуруса, но соглядатаи его всюду, – продолжил Тенакс. – Но я скажу тебе, как пройти в Тимор незамеченным и что предъявить на постах. Но легко не будет. Всем нам. Война надвигается, все ею дышит, а мы словно не оружие выковываем, а сами в пламя лезем.

– Это уже и есть война, – заметил Игнис.

– Похоже на то, – согласился Тенакс.

– Что я еще должен знать? – нахмурился Игнис.

– Вот уж не знаю, – пожал плечами Тенакс. – Хотя есть такие вести, от которых и прошлые удивления рассеиваются. Кастор Арундо убит.

– Как? – оторопел Игнис.

– А вот так, – вздохнул Тенакс. – И боюсь, что вместе с ним Ардуус окончательно покинул разум. Кто там остался? Полоумный инквизитор Энимал? Маг Софус, о котором ничего не слышно в последние годы? Прочие мастера орденов ушли в Самсум или еще куда. Оставили магов помельче, да и те от страха трясутся. А может быть, и те уже убежали.

– Милитум Валор? – нахмурился Игнис.

– Прибыл в Тимор с женой и детьми и вряд ли вернется в Ардуус, – прошептал Тенакс. – Если только на верную смерть. Будь я проклят, если тайной службой у Пуруса не ведает сам демон! Ужасом накрыл город. Да и эти казни... Кровью умылись ардуусцы, скоро пить ее начнут.

– Русатос ведает мерзостью? – спросил Игнис.

– Он, – выдохнул Тенакс. – Мастер тайной стражи. Его посыльные всюду. Кроме него вот такие инквизиторы явно уж не по своей воле творят подобное. Да и еще всякое. Дружины Ардууса на границах, говорят, всякого досматривают. Может, и убивают кого. А мы ведь принимали к себе всех. А в последние месяцы – никого нет. Да и еще кое-что имеется. О тебе спрашивают, принц.

– Соглядатаи?

– Не знаю. – Тенакс не сводил глаз с лица Игниса. – Я, правда, не очень в это верю. Но беда за тобой ходит. То там, то тут смерти странные. Чаще всего дозорные, иногда почтари, иногда мытари. Ни грабежа, ничего – только смерти. Это, принц, тебе весточка.

– Мне? – не понял Игнис.

– Сын одного мытаря разговор слышал, – ответил Тенакс. – Ночью постучали в дом, мытарь вышел, сын затаился у окна. Сколько было всадников, точно сказать не может, к дверям один подошел, но за оградой еще один или двое были. Но кое-что запомнил точно. Всадник спрашивал о тебе. Описывал тебя. Причем так спрашивал, словно не ответа ждал, а в голове у мытаря копался. Тот и не отвечал ничего, мычал как будто только. И еще, у этого всадника вроде бы глаза светились. Пламенем.

– Только меня спрашивал? – прошептал Игнис.

– Хороший вопрос, – усмехнулся Тенакс. – Нет. Искал еще твою сестру Камаену, надеюсь, что она жива, так же как ты. Во всяком случае, в стенах Тимора ее вклад весомее прочих, великий дар она с оказией передала Адамасу Валору. И бастарда Флавуса Белуа – Литуса Тацита поминали тоже. Тоже ведь пропал шесть лет назад. Ни звука, ни отзвука. Отспрашивал, потом мечом бедолагу проткнул и убыл. Неизвестно куда. Так что ты берегайся, принц. Если хорошее задумал, так знай, задумку твою переломить о колено хотят.

– Как был убит Кастор Арундо? – спросил Игнис.

– Не знаю, – вздохнул Тенакс. – Странное что-то говорят. Да и кто говорит, весточка долетела тайным путем, и не разобрался еще никто с ней.

– Как был убит Кастор Арундо? – повторил Игнис.

– Хорошо, – поморщился Тенакс. – Рода Тотумов еще убыло, принц. Кастор Арундо был убит вместе со всей стражей в собственном доме. И вместе с женой, твоей родной теткой – Курой Арундо, урожденной Тотум. И его дочь, твоя двоюродная сестра Лава, исчезла. Или тоже убита, или была похищена, или она сама убийца.

– Этого не может быть, – прошептал Игнис.

– Согласен, – кивнул Тенакс. – Только глашатаи Ардууса выкликают награду за ее поимку. Большую награду. И еще одно – Светлая Пустошь начала расти. Давно начала, за последние шесть лет, считай, лигу отъела. За последний месяц – еще лигу. А за неделю – тоже лига. Если так пойдет, она по лиге в час будет отхватывать. Вокруг Эбабара Флавус Белуа новую стену ставит, Кирум пытается отгородиться, магов призывает, да куда там. Хотя повезло Кируму с герцогом. Толковый правитель из бастарда короля Раппу вышел.

– Так я слышал, что и Лапису повезло, – заметил Игнис. – И мой двоюродный брат Дивинус ничего не напортил. Удвоил население королевства. Причем брал все больше дацитов и даку, да еще и сумел так все устроить, что прежние подданные с новыми не перебили друг друга.

– Это так, – согласился Тенакс. – Но в горных селениях с этим проще. От деревни до деревни пропасть, и не одна. Хотя, я думаю, дело в его матери. Вот ведь, всегда стервой считалась, а под маской стервы оказалась умная женщина. Кстати, Милитум Валор женился на ней вынужденно, а теперь пылинки с нее сдувает. С нее и с детишек своих. Ты-то мне расскажешь что или нет?

– Спешу, – вздохнул Игнис. – Говори свои слова для дозоров, и я отправлюсь дальше. Что-то мне кажется, будто я начинаю уже всюду опаздывать. Хотя одно тебе скажу. Ты сам видел начальника тайной службы Пуруса?

– Русатуса-то? – прищурился Тенакс. – Видел, как же не видеть. Ведь он ни на шаг от Пуруса не отходит. Как тень за ним следует.

– И что скажешь о нем? – спросил Игнис.

– Ничего, – ответил Тенакс. – Судя по количеству его лазутчиков – он, словно паук, оплел сетями весь Ардуус, все герцогства. Судя по тому, что королева Армилла мертва, лазутчики

эти если и умелы, то не в ту сторону. Но о самом Русатосе я сказать ничего не могу. Он даже глаз ни разу не поднял, когда я рядом был, только на Пуруса и смотрел. Как пес.

– Он из Ордена Воинов Света, – сказал Игнис.

– Не понял? – замотал головой Тенакс.

– В Эрсетлатари, там, где некогда упала Бледная Звезда, в городе Иалпиргах высится Храм Света. Храм Лучезарного. При этом храме имеется магический Орден Тьмы и Орден Воинов Света. Орден убийц. Русатус как-то с ним связан. Покинуть этот орден – нельзя.

– Энки благословенный! – в ужасе прошептал Тенакс.

– Война уже здесь, принц, – вымолвил Игнис.

Глава шестая. Эбббар

Через день после первой ночевки на сеновале Лава узнала, что через Кирум они не пойдут, потому как Светлая Пустошь вылезла через границы, в Кируме если не паника, то почти осада, а добираться до Эбббара баркой, каждую из которых сопровождает отдельный дозор, так уж лучше сразу отправляться в ардуусские темницы. Лава было заикнулась, что неплохо бы обдумать третий шаг, прежде чем делать второй. Что она вообще забыла в Эбббаре, не лучше ли отправиться к какой-нибудь родне да переждать там до тех пор, пока... Пока что? – напрямую спросил ее Литус. Пока король Ардууса умрет? Или же состарится и умрет его юный отпрыск? Или пока воинства Эрсетлатари пересекут Сухоту, вышибут крепостные ворота в Алке и Бэдгалдингире да осадят Ардуус? Тогда-то уж точно королю Пурусу будет не до племянницы-беглянки. Или есть родственники, у которых Лава могла бы укрыться? Девчонка тут же скисла, но и родственников в голове пересыпала. Из Тотумов в живых остались только дети Пустулы, которая нашла семейное счастье в объятиях Милитума Валора, брата покойного короля Тимора и городского воеводы Ардууса, да Кама и Игнис. Но где скитались или отыскивали укрытия последние, да и живы ли они до сих пор, точно так же, как и ее подруга Фламма, Лава не знала, а Дивинус, герцог Лаписа, и его сестра, отчаяннейшая Процелла, оставались в маленьком королевстве или теперь уже герцогстве, где укрыться было еще сложнее, чем в Ардуусе. Нет, конечно же, Процелла, которая, по слухам, занималась переселенцами из Эрсет и Дакиты, нашла бы для Лавы хижину в дальней горной деревне, но так ли уж та ее доля была бы лучше вот этого бегства? Да и добраться до Лаписа тоже было непросто. Без Литуса Лава бы на это не решилась, а бастард короля или опять же герцога Эбббара явно собирался отправиться в родной город, а не в Лапис. Кто еще у нее оставался? Фосса, старшая сестра Болуса? Может быть, и да. Близких отношений с ней у Лавы никогда не было, но и гадостей от нее Лава тоже никогда не видела. По слухам, Фосса оказалась хорошей женой для принца Бэдгалдингира. Двоих детей ему, во всяком случае, родила, но оставила их под присмотром старого Тигнума, свекра и короля Бэдгалдингира, а сама все дни вместе с мужем Тутусом проводила на строительстве и обустройстве новой столицы Аббуту. Да уж, не самое лучшее место для укрытия. Кто еще? Лаурус? Пожалуй. Но где он и что с ним? Тоже ведь исчез уже лет как шесть? Или в этом суть правления короля Пуруса? Всякий, кто хочет остаться в живых, должен бежать от него как можно дальше? Скольких несчастных инквизиторы казнили в прошлом месяце? Не меньше двух сотен? А если счесть тех, что казнены у внешних ворот да по деревням? Ни одного лекаря, ни одной знахарки в округе не осталось. Да и маги, что были отражены орденами присматривать за башнями, теперь стоят в дозорах у городских ворот и рта боятся открыть.

– Что молчишь? – спросил девчонку Литус, когда пауза затянулась.

– Некуда мне идти, – призналась она. – Там, где меня приняли бы, мне не укрыться. Да и не нужно беду за собой на добрых людей тянуть. А там, где укрыться можно, туда я дороги не знаю. Конечно, если есть такое укрытие.

– О каком укрытии говоришь? – сдвинул брови Литус.

– Там, где укрываются Кама, Фламма, Игнис, Лаурус, – перечислила Лава.

– Если они еще живы, – помрачнел Литус. – Впрочем, к одному из них я тебя пристроить могу.

– К кому же? – оживилась Лава.

– К Лаурусу, – сказал Литус. – К братцу твоему двоюродному, сыну простого стражника и твоей родной тетушки. И думаю, что ты не прогадаешь. У него уж во всяком случае будешь в безопасности.

– А где он? – оживилась Лава.

– В одном месте, – неопределенно буркнул Литус. – Но ты особо не беспокойся. Нам с тобой по пути. Эбаббар не минуем. А чуть позже сдам тебя твоему братцу. В хорошее место, можешь не сомневаться.

Послушалась Лава Литуса. Хотя и не вполне поняла, отчего глаза у того заблестели да голос задрожал, когда он об укрытии Лауруса обмолвился. Однако вскоре ей стало не до догадок. Уже через неделю после бегства из Ардууса Лава, взглянув в зеркало, попадись оно ей в руки, не то что себя бы не узнала, она бы решила, что не зеркало перед ней, а окно, в которое заглядывает неизвестный ей вымотанный долгой дорогой мальчишка. На третий день пути, когда уже в темноте беглецы добрались до большого атерского села, раскинувшегося возле крепости Манус, памятного Лаве тем, что именно здесь она сломала нос мерзавцу Болусу, Литус оставил ее в снятой каморке наедине с двумя лоханями теплой воды, черепушкой мыльного раствора и жестяным корытом, после чего забрал ее теплый пелиссон, шапку, сапоги и ушел, заперев комнату снаружи. Отложив безрадостные мысли о собственной дальнейшей судьбе, Лава немедленно разделась, налила в корыто воды, намылилась и, блаженно вытянув ноги, решила, что если подобное развлечение она будет иметь хотя бы раз в неделю, ее жизнь окажется не так плоха, какой представлялась ей в последние дни. Теплая вода и почти забытое ощущение чистоты разморили девчонку, поэтому она открыла глаза только тогда, когда в дверях зашевелился ключ. Однако ни ее визг, ни вытаращенные глаза, ни поза скорчившейся над гнездом наседки не произвели на вошедшего с холщовым мешком и еще одной лоханью воды Литуса никакого впечатления. Он молча набросил на спину Лавы льняную тряпку и присел напротив.

– Значит, так. До Эбаббара еще пара недель пути, но перебежать от постоялого двора до постоялого двора мы долго не сможем. Аббуту, конечно, пока еще не слишком заселена, а вот в Махру народца хватает. И лазутчиков Ардууса тоже. Поэтому теперь ты вовсе мне не жена, а мальчик. Если быть точнее, – Литус начал доставать из мешка какие-то свертки, – то ты мальчишка Теревра из Самсума, приставленный учеником к бродячему наемнику родителями, которые нашли неплохой способ от тебя избавиться.

– Как мальчишка? – обескураженно прошептала Лава.

– Вот так, – развел руками Литус, выудил из одного свертка ножницы и зловеще ими пощелкал. – Обычный мальчишка среднего роста с короткими черными волосами, слегка курносый и слегка конопатым лицом, не двадцати трех лет, а лет так семнадцати, я думаю. С маленькой, но и не слишком большой грудью, чтобы она выдавала в нем девушку. Бедра, конечно, у тебя никак не мальчишеские, но одеждой мы их прикроем. Так же, как грудь.

Бедра? Грудь?

Лава готова была разрыдаться, но даже прикрыть лицо было нечем, руки заняты льняной тряпицей, которой она загоразивалась от спокойного и как будто чуть-чуть насмешливого взгляда Литуса. Волосы? Почему черные?

– Покрасим сейчас, – наклонился к ней Литус, раздалось щелканье ножниц, и Лава с ужасом поняла, что уже начала лишаться своих светлых густых волос. Только теперь она окончательно поняла, что ее прошлая жизнь, в которой она была озабочена всего лишь двумя вещами – поиском хорошего учителя фехтования и избавлением от наставлений матери и ухаживаний Болуса, закончилась навсегда. Слезы хлынули из ее глаз, и она уже не сопротивлялась ни когда Литус оставил на ее затылке волосы такой длины, что и ухватиться было не за что, ни когда мазал ее голову каким-то вонючим составом, ни даже когда смывал этот состав и даже шутил, что уши у Лавы вовсе не оттопыренные и его планы окликать своего ученика прозвищем Лопухий придется отменить. Она была так расстроена, что вовсе забыла о льняной тряпице, когда Литус поставил ее на ноги, окатил водой с головы до ног, завернул в одеяло, а потом разложил перед ней мальчишеское исподнее, теплые порты, войлочные, подшитые

кожей сапоги, рубаху, овчинный гарнаш и еще что-то, что теперь должно было стать ее одеждой. Только одно она и смогла сказать, когда все-таки натянула на себя исподнее и сунула мокрый от слез нос в слежавшуюся от времени и бедности подушку.

– Терebra – женское имя.

– Не волнуйся, – ответил Литус, который натянул поперек каморки бечеву, набросил на нее второе одеяло и как раз за ним пытался воспользоваться остатками воды и мыльного раствора. – Я сбивал с твоего ярлыка отметку о браке и случайно сбил часть имени. Ты Терeb.

– Терeb, – пробормотала, уже засыпая, Лава. – Язык сломаешь, какое имя.

Утром Литус выглядел встревоженным. Но на вопрос Лавы он только махнул рукой куда-то в сторону Бэдгалдингира и сказал, что случилась в той стороне какая-то беда, но кроме тревоги и чего-то, напоминающего удушье, он предъявить не может. Да и то уже прошло. Лава едва ли не со слезами взъерошила короткие волосы, но чуть позже слегка приободрилась. Оказалось, что у парочки наставник – ученик имеются уже и лошади, если, конечно, лошадю можно было назвать доставшегося Лаве повидавшего разное мула. Впрочем, и кобыла Литуса тоже не страдала от молодости и излишней прыти. Точно так же не сверкала новизной упряжь, одежда, да и оружие. Лава с удивлением обнаружила, что не так давно сверкающий металлом меч на ее поясе потускнел, сам пояс лишился глянца, а на голову ей приходится натягивать не теплую шапку с ушами, а нечто войлочное и кем-то уже ношенное.

– Ничего, – успокоил ее Литус. – Запомни, странники, вроде нас, страдают не от отсутствия блеска, а от пустоты в животе. А уж от этого я тебя постараюсь уберечь.

– В каком это смысле? – насторожилась Лава и, может быть, впервые дождалась усмешки от Литуса.

– Не в том, о котором ты подумала. Хотя и это мы с тобой можем со временем обсудить.

Лава зарделась румянцем, а Литус протянул ей тугий сверток и, помедлив, все-таки сказал:

– Мальчишка получился что надо. Но промолчать я не могу. Должен отметить, что ты очень красива. Как девушка. Очень. Дух захватывает.

Она не сразу поняла его слова, поэтому и второй волной румянца залилась позже, когда их крохотный отряд выбрался из поселка и двинулся к переправе через Азу. Но сразу же спросила о свертке.

– А это что?

– Твои волосы, – ответил ей Литус. – Твои роскошные волосы. Ты можешь их, конечно, сжечь, но, если хочешь, я научу тебя паре заклинаний... Поверь мне, хозяин таких волос может с ними сотворить кое-что особенное. И еще. Не рассчитывай на то, что мы будем притворяться наставником и его учеником. Я и в самом деле буду твоим наставником. И если ты искала учителя, поздравляю, ты его нашла. Хотя бы до укрытия Лаурса точно.

– А ты разве что-нибудь умеешь? – хмыкнула в спину Литусу Лава.

– А вот заодно и узнаешь, – оглянулся он. – Я, конечно, не учился у Йора, а находил себе наставников примерно так же, как ты, но уж поверь мне, потратил на это дело лет на десять-пятнадцать больше тебя. Вот эту разницу я и попытаюсь тебе втолковать. И заодно научиться чему-то у тебя, если ты меня хоть в чем-то перещеголяла.

«Неприменно, – с непонятной злостью прошипела сама себе под нос Лава и тут же спросила себя: – Зачем?»

Зачем ей теперь нужно это умение? Чтобы выжить? А не проще ли прятаться за широкую спину Литуса? А зачем это умение было нужно ей раньше? Ведь турниры не проводились в Ардуусе уже шесть лет. Да и если проводились бы? Повторять судьбу Камы не имело никакого смысла. Или ей захотелось повторить судьбу Фламмы? Да, она изрядную часть своей

жизни отдала фехтованию и целительству, но принесло ли ей это пользу? И где она теперь, ее рыжеволосая подруга-сестра?

– Смотри, – окликнул спутницу Литус. – Сонливость нерадивых учеников – обычное дело, но по сторонам ты все-таки посматривай.

Лава встрепенулась. Дорога, которая была ей уже знакома, переменилась. Вместо наскоро сооруженных изб по ее правую сторону торчали сторожевые вышки и небольшие остроги, на стенах которых маялись дозорные. А по левую сторону вместо некогда лежавшего тут елового леса тянулась выжженная до горизонта плешь.

– Что это? – не поняла Кама.

– Светлая Пустошь, – объяснил Литус. – Нет, отсюда она еще не видна. Так, туман клубится, приглядишься. Видишь? Но твой отец приказал выжечь лес до ее пределов. На пять лиг. Точнее, почти на десять, но теперь она в пяти лигах. И если будет ползти с такой скоростью, то доберется к весне до Аббуту, а к следующей осени и до Ардууса.

– И доберется? – испугалась Лава.

– Не знаю, – пожал плечами Литус. – Мне тут шептали, что она ускоряется с каждым днем. Некоторые ждут ее в Ардуусе чуть ли не в середине зимы. Но я думаю, что скоро нас будет волновать совсем другое.

– Что же? – не поняла Лава.

– Война, – обронил Литус и замолчал.

В следующий раз Литус заговорил не скоро. Лава успела замерзнуть на холодном ветру, да так, что, обернувшись, Литус придержал лошадь и собственноручно перешнуровал ее гарнаш, обмотав тонкую шею поверх воротника толстым шарфом. Лава лишь успела подивиться на выросший за шесть лет на высоком левом берегу Азу – Аббуту, хотя и старый город, раскинувшийся на низком правом берегу реки, тоже наполнился жизнью. Река уже начинала покрываться по берегам льдом, но паром еще ходил, и Литус не только без малейшего напряжения миновал ардуусский дозор, в котором были и инквизитор, и парочка воинов со стертymi лицами, вдруг напомнивших Лаве убийц ее родителей, но и даже принялся рассказывать какие-то веселые истории, вынуждая охранников оглашать речные просторы хохотом.

Когда охрана осталась позади, уже въезжая в ворота нижнего города, Литус обернулся к Лаве и заметил:

– Я вел себя неправильно. Но только из-за тебя.

– Из-за меня? – широко открыла она глаза.

– Из-за тебя, – кивнул он. – Ты была слишком напряжена. И мне пришлось тянуть внимание охраны на себя. И я боюсь, что получилось у меня не слишком хорошо.

– Почему же? – не согласилась Лава. – Они хохотали на всю округу.

– Кроме двоих, – покачал головой Литус. – Тех, кто напомнили тебе убийц твоих родителей. Так напомнили, что ты потянулась к мечу и стиснула его рукоять. Даже выдвинула его на палец из ножен. И они это заметили. Впрочем, ты и теперь стискиваешь его в руке.

Тут только Лава заметила, что и в самом деле стискивает рукоять меча. Она испуганно задвинула его в ножны и судорожно выдохнула.

– Да, дорогой Терреб, – в свою очередь вздохнул Литус, – с тобой еще придется повозиться. Ну, ничего, начнем уже нынешним вечером.

– Вечером? – принялась крутить головой Лава, окидывая взглядом узкие улочки, по которым петлял отряд из двух всадников. – Разве мы не заедем позавтракать в один из трактиров?

– Не в этот раз, – огорчил спутницу Литус. – Сейчас мы выйдем из города через северные ворота, пройдем десяток лиг по тракту в сторону Обстинара и, не доходя пары лиг до большого села, в котором скрещиваются дороги на Обстинар, Валу, Тимор и Касаду, уйдем к Светлой Пустоши. Она перебирается через Азу в этом месте.

– Зачем нам к Светлой Пустоши? – испуганно спросила Лава. – Я слышала, там попадаются разбойники, которые возят в поганое место мертвецов!

– Их давно уже нет, – успокоил Лаву Литус. – Хотя место поганим не перестало быть и мертвецов оно, я думаю, приняло бы с радостью. Но ты не волнуйся, в Пустошь я тебя не поведу. Я там уже был. Мне просто нужно, чтобы те, кто пойдут за нами, не догнали нас слишком быстро. А если догонят, чтобы я мог расправиться с ними, не заботясь о ненужных зрителях.

– Что ты делал в Светлой Пустоши? – спросила Лава, когда они уже выехали из северных ворот Аббуту.

– Я выбирался из нее, – ответил Литус.

– И что ты там видел? – затаила дыхание Лава.

– Страшное, – ответил Литус.

То, что с мечтами о теплом трактире или постоялом дворе придется распрощаться надолго, Лава поняла уже тем же вечером, и последующие две недели только укрепили ее в этой уверенности. Нет, Литус не заставлял ее ночевать в заснеженном поле, всякий раз находилась или овин, или сарай, или, на крайний случай, стог сена. Пару раз он договаривался в нахоритских деревнях, что им за невеликую плату постелят на полу и накормят их лошадей, но воспоминания о теплой воде подернулись сладкой дымкой и растаяли почти без следа. Зато уж, по крайней мере, Светлая Пустошь ничем не дала о себе знать, кроме такой же выжженной равнины, да и погони за ними не случилось. Или Литус оказался слишком осторожным, или возможные преследователи не разгадали выбранный им путь. Зато те два дня, в которые кровом оказались нахоритские избы, были единственными, когда Лаве не пришлось получать у Литуса уроки фехтования, стойкости и упорства.

– Каша! – качал поначалу головой Литус, попытавшись провести с Лавой несколько схваток. – Каша и в голове, и в теле. И пусть каша наваристая, с мясом, с маслом, но все равно – каша. И не в том дело, что ты мало знаешь, знаешь ты как раз много, и умеешь немало, но все это свалено в тебя кучей, да еще и перемешано, и перепутано. Такое ощущение, что дом построен начиная с крыши!

– Однако построен, – огрызалась Лава. – И крыша не протекает.

– Не протекает, – усмехался Литус. – Зато двери устроены не на первом этаже, а на втором, и, открыв любую из них, ты рискуешь сломать шею.

– И все-таки дом не только построен, но в нем даже два этажа! – продолжила яркое сравнение Лава. – С какого этажа надо начинать перестройку?

– С фундамента, – твердо сказал Литус и первый урок начал как раз у стога, в уютную пещерку в котором Лава забралась уже в темноте, взмыленная и уже несколько не озабоченная своим возможным запахом и чем-то подобным. Во всяком случае, ей было чем занять голову. Хотя бы тем, что в одном она убедилась точно – ее словно обучили неизвестному языку, добились того, чтобы она бойко произносила незнакомые слова, но не потрудились объяснить, что эти слова обозначают. Как раз разъяснением и занялся Литус, предупредив, правда, что Лава сможет считать себя хотя бы средним мастером только тогда, когда эти объяснения забудет или вовсе выкинет из головы.

– Как это? – не поняла Лава, потирая заработанные после очередного занятия синяки.

– Как в языке, – объяснил Литус. – Тебя учат говорить на незнакомом языке. Объясняют смысл слов, затверживают с тобой фразы, поправляют то, как ты произносишь непривычные звуки, но ты поднимаешься в искусстве толмачества на первую ступень только тогда, когда перестанешь переводить в голове каждую фразу с родного языка на чужой. Когда начнешь думать на чужом языке.

– Как же мне начать думать на чужом языке, имея в виду фехтование? – не поняла Лава.

– В фехтовании как раз думать не надо, – опять начал говорить непонятные слова Литус. – Нужно научиться дышать, видеть и слышать.

«Интересно, – подумала тогда Лава, – а что же я делала до сих пор? Не дышала, не видела и не слышала?»

– Что ты будешь делать, когда найдешь того, кто выковал эту чешуйку? – спросила Литуса Лава, когда долгий и утомительный путь стал как будто привычным, легкий морозец уже казался оттепелью, а за течением Азу, к которой вновь вышли путники, показались башни Эбаббара.

– Найду того, кто заказал ему ее, – ответил Литус.

– А потом? – спросила Лава.

– Убью его, – сказал Литус.

– А потом? – не отставала Лава.

– Не думал об этом, – признался Литус, – но я ищу его уже давно и, надеюсь, скоро найду. А тебе зачем?

– Да вот думаю, – призналась Лава, – успеешь ли ты сделать из меня хотя бы сносного фехтовальщика, если найдешь нужного кузнеца в Эбаббаре?

– Сносного вряд ли, а хорошего вполне, – твердо пообещал Литус. – Я же не переучиваю тебя? Я упорядочиваю.

Упорядочивание отложилось на два дня. Парома у Эбаббара не было, а приличная барка нашлась в нахоритской деревне едва ли не на полпути к Турше, да и та была вытащена на берег и приготовлена к зиме. Но монеты сделали свое дело, и на третий день Литус и Лава сошли на Эбаббарскую пристань. Правда, предварительно натерли лица соком какой-то едкой травы, что сделало ушколице Литуса широкомордым здоровяком, а уж что сделало с Лавой, та могла только догадываться, ощупывая странно вспухшее лицо пальцами и ловя тайные усмешки спутника.

– Не понимаю, – стала она вполголоса возмущаться, поднимаясь вслед за Литусом вверх по безлюдной в это время года одной из эбаббарских улиц. – Какой смысл был мазать лицо мне? Неужели кто-то может узнать дочь Кастора Арундо в черноволосом мальчишке? У меня нет знакомых в Эбаббаре!

– Могут появиться, – объяснил ей Литус. – Так пусть они, если им придет в голову такая блажь, ищут круглолицых знакомцев, а не нас с тобой.

– Ты собираешься здесь... натворить дел? – осторожно поинтересовалась Лава.

– Не исключаю такого поворота, – кивнул Литус. – Но уж лошадей нам продать придется точно. И лучше это сделать, пока полнота не сошла с наших лиц. То есть или сегодня, или завтра.

– Обязательно? – с грустью потрепала своего мула по морде Лава.

– Да, – кивнул Литус. – Там, куда мы направимся вскоре, лошади нам не пригодятся. Да и не та это скотинка, о которой следовало бы жалеть.

– А куда мы... – начала Лава, но тут же замолчала, потому что Литус прижал палец к губам. Мимо них, цокая копытами по заледеневшей мостовой, промчался эскорт из двух десятков всадников. Мечи у них были в ножнах, но у каждого имелось в руке копьё, как будто вымазанное уже подсохшей гнилью.

– Сигнум Белуа, – прошептал Литус, когда эскорт удалился. – И его воины. Кажется, расширение Светлой Пустоши не принесло облегчения в его жизнь.

– Я не узнала его, – покачала головой Лава.

– Не узнал, – поправил ее Литус. – Даже когда нас никто не слышит, говори о себе как о Теребе. Тогда в нужный момент ты не оговоришься и не подвергнешь нас опасности. Поняла?

– Понял, – угрюмо кивнула Лава.

– Хорошо, – кивнул Литус. – Мы пришли, кстати.

Она с недоверием присмотрелась к высокой ограде, за которой поднимались несколько зданий и откуда доносился звон молотов и запах гари.

– Это трактир? Постоялый двор?

– Вынужден тебя огорчить, – проговорил Литус, заводя лошадь в открывшиеся ворота. – Это цех кузнецов Эбббара. Они, конечно, не сравнятся с мастерством кузнецов Лаписа или Дакки, но, поверь мне, не только оружие может служить предметом гордости мастера. Во всяком случае, кузнецы Ардууса обмолвились, что самую тонкую работу надо заказывать здесь. Оставляй мула у охранника и ни о чем не думай. Тут не обманут. Если есть люди чести, то это не только воины, но и настоящие мастера. Тем более что мешки у нас за спинами.

Литус бросил поводья лошади охраннику, которым оказался одетый в безразмерный тулуп юнец, перебросился с ним парой фраз и двинулся вдоль улицы, которую составляли каменные здания, явно не предназначенные для спокойного и тихого проживания. То там, то здесь гремели молоты и молотки, иногда из ворот выскакивали подмастерья в фартуках, чтобы сунуть какую-нибудь железку с шипением в грязный сугроб, но лишнего народца между мастерскими не наблюдалось, а когда Литус свернул к двухэтажным домам, возле которых было чуть тише, обледенелая улица и вовсе обезлюдела.

– И трактира здесь нет точно? – почти в отчаянии простонала Лава.

– Посмотрим, – задумался Литус. – Если наш разговор будет удачным, тогда считай, что нет. А если неудачным, то мне потребуется время, чтобы все обдумать. Трактир для этого – не самое плохое место.

– Энки всеблагой, – пробормотала Лава, кусая губы. – Если бы я знала, что когда-нибудь ради ведра теплой воды буду призывать неудачу на свою голову... – И тут же поправилась: – Нет, если бы я знал, что когда-нибудь...

Домик, в приоткрытые ворота которого вошел Литус, ничем не выделялся. Пожалуй, он даже был ниже соседних. И никакие кованые или литые украшения не покрывали его стены, не окружали узором окна, не завивались скобами на полотне дубовой двери. Но и сама дверь, и посыпанный песком лед у входа, и ровные стекла в окнах на втором этаже – все говорило об основательности и серьезности хозяина строения.

Литус постучал в дверь, а когда где-то вверху раздался раздраженный голос, повысил голос и сам:

– Мастер Фарб мне нужен! Я по рекомендации!

За дверью заскрипели ступени, затем загремел запор, дверь приоткрылась, и Лава увидела седого калама. Длинные волосы его перехватывала лента, а одежду и порты прикрывал кожаный фартук. В руке его был молот.

– Я мастер Фарб, – процедил мужчина. – Что надо?

– В Ардуусе говорят, что лучше мастера Фарба в Эбббаре нет, – поклонился старику Литус. – У меня есть заказ для тебя.

– А денег хватит? – ухмыльнулся кузнец.

– Должно хватить, – оживился Литус. – Вещица нужна маленькая, но тонкой работы.

– Оружия, особенно кинжалов или ножей, не делаю, – раздраженно бросил кузнец. – Это вам в Лапис или еще лучше за горы. В Униглаг. Если доберетесь, конечно. А если еще что поменьше или потоньше, так это к ювелирам. А ювелиры хорошие не в Эбббаре, а в Самсуме.

– А разве ювелиры работают с железом? – удивился Литус.

– Смотри с каким железом и смотря что работать, – буркнул Фарб. – Чего хотели-то?

– Нужен доспех, – сдвинул брови Литус. – Да не простой, а с магией.

– Это тебе с колдуном надо приходить, – зевнул мастер. – Я без колдуна и близко не возьмусь. Инквизиция в Эбabbаре, конечно, не та, что в Ардуусе, но тоже радостей больших не сулит.

– Так нет у меня знакомых колдунов в Эбabbаре, – огорчился Литус.

– А ты говори, чего надо, – ухмыльнулся мастер. – Что за доспех? Какой отворот нужен в нем? А то вдруг еще не возьмусь? Или цену загну поперек твоей мочи? Понравится заказ, сам не надорвешься ценой, подскажу, к кому обратиться. У меня знакомства есть и в Ордене Воды, и в Ордене Солнца. Что надо-то?

– Кольчуга, – принялся объяснять Литус. – Но не из колец, а как бы из чешуи. Я видел такую. Легкая и прочная. А насчет магии спросил, потому что странная эта кольчуга. Так вроде и прочна, и легка, а если воин в такой кольчуге падает, то не успеешь приглядеться, она исчезает. И остается только на шее вот такой лепесток. Чешуйка, одно слово.

Фарб стоял неподвижно, закрыв глаза. Только молот в его руке чуть подрагивал. И Лава уставилась на этот молот, поэтому не сразу заметила, что лицо Фарба изменилось и вместо спокойной, чуть насмешливой физиономии на Литуса смотрит страшное чудовище с огненными прорезьями вместо глаз и точно такая кольчуга, что ему описывал Литус, топорщится у Фарба в прорезе куртки. Зато она заметила, что рука с молотом выбросилась вперед так стремительно, словно пружина самострела толкнула ее, и тут же смяла, сокрушила Литуса, отлетевшего в сторону. Но в тот долгий миг, когда ужас и отчаяние только начали захлестывать племянницу короля Ардууса, в ее руке неведомо каким образом оказался меч и, огибая, ускользая, минуя следующий выпад чудовища, сверкнул, пронзая ему горло.

– Вот так, – закашлялся, потирая грудь, сидящий на заледенелых камнях Литус. – Видишь, как получается? В секунду отработала все мои старания. К тому же как бы ни на год вперед. Может, мне не оставлять тебя у Лауруса?

– Ты как? – захлебнулась слезами, бросилась к спутнику Лава.

– Бывало и хуже, – с трудом выдохнул Литус. – Может быть, и в самом деле задуматься о доспехе? Другое плохо, с трактиром не срастается пока. Хотел продать лошадей, а придется оставить их просто так. Выйдем через второй двор. Но мастерскую этого странного мастера придется осмотреть. Затем пробежаться до пристани и купить места в любой барке. В городе оставаться опасно.

Глава седьмая. Алу

Это не было холодом или еще чем-то, что могло вызвать отвращение или испуг. Это напоминало голос. Или дыхание, как если бы у Камы вдруг стало два дыхания. Собственное и еще чье-то, не зависящее от нее. Едва различимое дыхание. Скорее всего, и не дыхание вовсе, а присутствие. Но не в животе, не в груди, не в голове, а где-то еще. Глубже. Там, куда человек проваливается, когда падает от изнеможения.

– Ну, как ты? – не выдержала Кама.

Ветер усиливался, вместе с ним как будто густела и тьма, и Кама не видела, но чувствовала, что внизу, там, где осталась лодка, вздымаются волны.

– Хорошо, – донеслось до нее. Не из живота, не из груди, не из собственной головы, а как будто из-за спины. Она даже обернулась, но и в темноте за спиной тоже ничего не разглядела.

– Ты где? – скривила она губы, готовясь отдаться раздражению.

– В тебе, – донеслось в ответ. – Только не пытайся себя ощупывать и угадывать. Я не стук дыма, который можно выдохнуть в промасленный кисет и затянуть бечевой. Теперь я словно твоя тень.

– Этого достаточно, чтобы укрыться? – спросила Кама.

– Вполне, – услышала она. – Ты так светишься, что я мог даже ограничиться твоей близостью. Но лучше не полагаться на то, что рядом не окажется врага. Тот же Диафанус твой враг навсегда. И пусть он не сможет подобраться к тебе в виде мурса, ничто не помешает ему отомстить тебе в облике того же гаха.

– Пусть попробует, – стиснула зубы Кама.

– Попробует, – пообещал Орс.

– И что же мне делать теперь? – спросила Кама. – Ты сказал, что проход только через Змеиную башню?

– Именно так, – ответил Орс. – О нем мне рассказал Син. Мы заберемся в нее, поднимемся наверх, а оттуда уже выйдем на тропу, что ведет в Араману. До Туна от Алу почти пять сотен лиг, но мы доберемся. Если припасов не хватит, будешь охотиться. Ближе к Арамане хватает и зверья. Мне, кстати, приходилось есть и мясо калба.

– Понравилось? – поморщилась Кама.

– Редкая дрянь, – признался Орс.

– Значит, – Кама встряхнула связанными один с другим двумя мешками, – ты сам этой дорогой не ходил?

– Сам не ходил, но Сину верю, как самому себе, – как будто вздохнул Орс. – Раньше этой дорогой становилась одна из улиц Алу, но, когда образовался провал, изрядная часть города рухнула вместе со скалами, которые окаймляли его. Теперь, чтобы выбраться на эту тропу другим способом, нужно спускаться к воде и ковылять по камням до руин Кахака. А это еще сотня лиг. Конечно, если бы мы были гахами...

– Они умеют летать? – нахмурилась Кама.

– У них когти, – объяснил Орс. – По скалам и по деревьям они могут лазить, как мухи.

– Ну что же, насколько я помню, гахов в Алу нет, а гахский лес начинается только за тем же Кахаком, – проговорила Кама. – Далеко до Змеиной башни?

– Лиг пять, – отозвался Орс. – Но сейчас не нужно туда идти. Магию применять не следует, а во тьме среди руин можно переломать ноги. Ночь будет темной. К тому же я чувствую опасность. Пойдем с рассветом.

– Пойдем, – поморщилась Кама. – Вот уж никогда не думала, что буду чувствовать себя выючной лошадкой.

– Я легкий, – позволил себе заметить Орс.

– Не могу сказать того же самого о твоём мешке, – пробормотала Кама, медленно поднимаясь подальше от воды. Ей показалось, что в сотне или двух сотнях шагов темнел или остов здания, или скала, которая сулила защиту от ветра.

– Он будет легче к Арамане, – пообещал Орс. – Много легче. Ты ещё пожалеешь о его тяжести.

– Кто угодник в Арамане? – спросила Кама. То, что она успела разглядеть в сгущающихся сумерках, и в самом деле оказалось скалой. – Я правильно поняла, что он скажет, как мне поступать дальше?

– Скорее всего, – не слишком уверенно согласился Орс. – Хотя ты должна быть готова и сама принимать решения.

– К этому я готова всегда, – отрезала Кама, устраиваясь под скалой. – Как его имя?

– Туррис, – ответил Орс.

– Туррис? – удивилась Кама. – Но это женское имя!

– Она женщина, – как будто хмыкнул Орс. – Тебя же не удивляет, что единственный акс, которого ты знаешь, женщина? И среди мурсов имеются женщины. Хотя смысла этого разделения я и сам не могу объяснить. Поэтому не вижу ничего удивительного, что в Арамане угодницей женщина. Ты и сама женщина. Хотя, прошу прощения, пока ещё девица.

– Орс! – почти крикнула Кама.

– Я здесь, – отозвался он умиротворяюще. – Только не думай, что я исследую твоё тело. Я живу уже долго, поэтому есть вещи, которые я просто вижу.

– Это не твоё дело, – процедила сквозь зубы Кама. – И вообще, я собираюсь отдохнуть.

– Я не побеспокою тебя, – прошелестел Орс.

Под скалой ветер и в самом деле не задувал, но тепла там не было тоже. Кама привалилась к камню, опираясь о мешок, подумала о том, что, впустив в себя мурса, она уже не может считаться девицей в полном смысле этого слова, потом обругала сама себя за то, что допускает в голову всякую ерунду, и тут же добавила, что тот, кто укрывает в себе мурса, на ерунду может вовсе не обращать внимания. Так или иначе, но она сунула руку в кيسет, который по наставлению Виз Вини всегда держала на поясе, выудила из него горсть сушеных фруктов и очищенных орехов и принялась неторопливо пережевывать нехитрую пищу. Все-таки мумом она питаться не могла, пусть даже он и в самом деле только что не плескался вокруг. И все же было интересно, какие ещё могли быть потребности у мурса, кроме подпитывания мумом и страха, что некий властитель того же Диафануса накинёт петельку и на Орса? И зачем в самом деле мурсам пол?

– Ты спишь? – пробормотала она вполголоса.

– Нет, – донеслось до нее. – Слушаю, как ты жуешь.

– Прости, – пожала она плечами. – Я бы поделилась, но не знаю, как это сделать.

– Не волнуйся, – успокоил ее Орс. – У тебя ещё будет такая возможность. Я же не всегда буду сидеть в тебе?

– Спасибо, обрадовал, – скривила губы Кама. – И когда же ты выберешься?

– Как только найду подходящее тело, – пообещал Орс.

– Мужчину? – уточнила Кама.

– Конечно, – согласился Орс. – Могла бы сойти и женщина, но это требовало бы постоянного усилия с моей стороны. Но вот как это привязать к тому, что мурсы разнополы, я не знаю. Лучше и не спрашивай.

– Что это должно быть за тело? – спросила Кама.

– Кто-то находящийся при смерти или умалишенный, – ответил Орс. – К сожалению, при смерти чаще всего находятся древние старики, но скоро начнется война, и воинов тоже будет

предостаточно. Там, где человеческий дух отступает, мурс может искать пути к спасению тела. Не волнуйся, я не падальщик, изгонять дух из тела не стану.

– Но ведь ты мог бы изгнать дух из тела врага? – предположила Кама.

– Мог бы, – с некоторым сомнением протянул Орс. – Наверное, мог бы. Но тоже не стану. Это слишком заметно. Все равно что развести костер на равнине ночью. Если бы не вода озера Аббуту, даже о попытке Диафануса овладеть твоим телом знали бы все мурсы в округе.

– Можно подумать, что их много, – поежилась Кама.

– Достаточно, – ответил Орс. – Конечно, не столько, сколько призвал их Лучезарный, но достаточно. Думаю, что их было десятка два. Когда остаешься без тела, чувствуешь. Ты можешь пройти мимо человека, которым овладел мурс, и никогда не узнать этого, конечно, если ты не акс, но, будучи мурсом, ты всегда чувствуешь, сколько их всего. Около двух десятков. Теперь уже меньше. Некоторые развоплощены.

– Убиты? – сдвинула брови Кама.

– Развоплощены, – не согласился Орс. – Не исторгнуты из мира, но обращены в тень самих себя. Лишены голоса и воли. Тысячи лет пройдут, пока такой мурс снова сможет являться взору. Если, конечно, этот мир еще будет существовать или кто-то, вроде Лучезарного, не высосет все бесплотное, что парит над этой землей. Это самое страшное... А развоплощение... Наверное, оно похоже на смерть. Об этом много разговоров, но никто не знает точно. Хотя есть предположение, что все призванные Лучезарным мурсы, да и аксы однажды были развоплощены. Так что очень может быть, что все мы вымазаны невидимым дерьмом.

– А я могла бы развоплотить мурса? – спросила Кама.

– Силою – да, – ответил Орс. – Умением – нет. Пока нет.

– А ты многих знал? – спросила Кама.

– Знал... некоторых, – ответил Орс. – Когда-то знал всех, но теперь уже не знаю того себя, прежнего. Среди воинов Виз Вини были такие мурсы. Потом они ушли. Это темная история, хотя она произошла не так уж давно. Лет тридцать назад. Или меньше. Кстати, они все были женщинами.

– И что с ними стало? – спросила Кама.

– Виз Вини убила их, – ответил Орс.

– Из-за того, что они ушли? – ужаснулась Кама.

– Нет, – пробормотал Орс. – Они ушли, потому что захотели. Думаю, что их кто-то позвал. Нашел на что надавить. У каждого есть место, на которое можно надавить. И они ушли. Это просто. Виз Вини и в самом деле никого не держит. И вы могли уйти в любой момент. Они что-то затеяли. Не знаю. Но три мурса слишком много, чтобы не почувствовать их ухода. А потом Виз Вини поймала почтового сэнмурва и ушла, а вскоре это и случилось. Хочешь, спроси об этом у нее.

– Как их звали? – спросила Кама.

– Сага, Нидали, Рит, – ответил Орс.

– А человеческие имена у них были? – спросила Кама.

– Конечно, – отозвался Орс. – Уверен, что они их не меняли. Мурсы считают имена столь же важными, как внешность. Они могут назваться другим именем, но никогда не поменяют то имя, что носило захваченное тело, надолго. Их звали – Лакуна Магнус, Арка Валликула, Венефика Тацит.

– Тацит... – замерла Кама и прошептала: – Я где-то слышала эти имена. Скажи, а может ли мурс, овладев человеческим телом, зачать или выносить ребенка? И кто родится от такого зачатия? Человек? Или мурс?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.